

Л. ТЕРАСКИНА
В СТРАНЕ
НЕВЫУЧЕННЫХ
УРОКОВ

„Советская Россия“

Л. Гераскина

В СТРАНЕ

НЕВЫУЧЕННЫХ

УРОКОВ

(Знаете ли вы?)
(или 3 урока)

Рисунки

РАДЬ

В. Чижикова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Советская Россия“

МОСКВА 1966

В тот день, когда все это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо. Даже смешно сказать, из-за чего мне вклеили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

— Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озер и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили. А мне ясно, что если вода испаряется, то ее уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился».

ся». Это значит — «он исчез». Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы.

— Куда исчезает вода? А может быть, она все-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь, как следует?

По-моему, я и так ответил, как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашались. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несешь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Потому я и шел домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а все равно придешь домой. Хорошо еще, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

— И в кого ты такой? — удивлялся папа. — Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

— Воли у него нет, — добавляла мама и тоже удивлялась: — В кого бы это?

Все мои родные, оказывается, имели твердый характер и сильную волю, а вот я почему-то не имею. Поэтому-то я и не решался сразу притащиться домой, имея в портфеле пять двоек.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живет в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от нее нет покоя — ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Сережа Петькин. Он пришел узнать, не получены ли новые марки. Сережа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать марки может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А вот когда я их припер к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушел, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, еще разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, насколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то уж знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось все больше, а идти домой — все меньше.

На пути остался только один магазин. Неинтересный — хозяйственный. В нем противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

— А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах все, что написано в дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, неужели она сможет прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя прыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждет от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает,

что я пришел из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнется...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тетя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

— Немедленно садись за уроки,— сказала мама и взяла трубку. За уроки, когда я так устал! Я хотел хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать в глазах! А вдруг она прочтет про двойки?

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

— Убери на своем столе! — крикнула вдогонку мама. Легко сказать! Я иногда просто сам удивляюсь,

глядя на свой стол. Как много предметов на нем умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, линейки и карандаши. Их теснят гвозди, камеры для мяча, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама их совсем не любит. Не раз она выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгреб туда все свои вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и перед глазами замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно — писать двойку красными чернилами. Ведь все хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру — и радуешься. В школу ходить не надо. Пятерка тоже красненькая. Значит, тройку, двойку и кол надо писать черными чернилами. Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, теплый, и мальчишки за окнами гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня на воротах? Наверно, опять Сашка. Он давно метит на мое место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике, и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускает ни одной игры, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже слушать любит, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает. Не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычат только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Беспо-

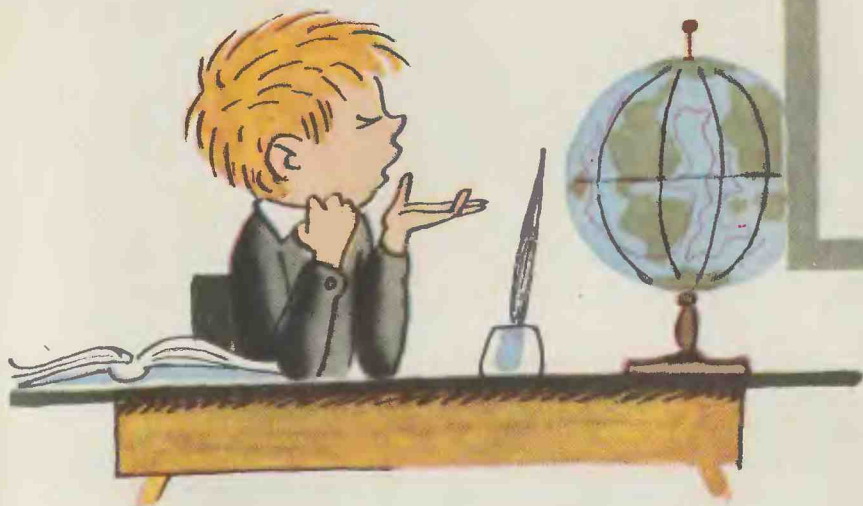
лезно повторять то, чего все равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну, двойку и решил лучше заняться арифметикой. Тут тоже ничего приятного не было. Начал решать задачу о каких-то землекопах. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было немножко отвлечься и послушать... Но чей голос я услышал? Голос Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам. Я готовиться не собирался. Пришлось радио выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как надо ее решить, но... в окно влетел футбольный мяч. Вот красота! Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно во двор, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

— Витя! Ты делаешь уроки? — кричала она из кухни. Там у нее что-то шипело и ворчало на сковороде. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если б мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня... Что бы придумать для первого вопроса? Я уже начал было соображать, но мне опять помешали. В окно заглянула Люся Крандашкина. Одна косичка была у нее перевязана красной лентой, а другая — распущена. И это не только сегодня. У нее почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою прическу, чем на чужие двойки, тем более что у нее и своих двоек хватает. Люся сказала, что задача о землекопах в самом деле очень трудная. Даже ее бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

— Давай решать вместе! — предложила Люся.
Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло.
Лучше уж самому.

Стал снова рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром». Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике в погонах и вернуться к землекопам. Ну что с ними постылыми делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем!

— Что же все-таки делать с землекопами? Может быть, помножить их на метры?

— Не надо помножать,— возразила Люся.— Все равно ничего от этого не узнаешь.

Назло ей я все-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить к другому вопросу. И я решил разделить метры на землекопов.

— Не надо делить,— опять вмешалась Люся.— Я уже делила. Ничего не получается.

Конечно, я не послушал и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я все перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Но в конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу покончили с траншеями. И

1 $\frac{1}{2}$ зима.

работу скоро бы сделали, и школьникам головы не забивали. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, если б не вмешалась Люська.

— А когда будем учить стихи? — спросила она меня.

— Какие стихи?

— Как — какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.

— Это потому, что они неинтересные, — сказал я. — Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочел ей на память:

Нам учиться целый день

Лень, лень, лень.

Надоело!

Нам бы бегать и играть,

Мяч бы по полю гонять —

Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила. Вдвоем мы быстро одолели «крестьянина». Я уже собирался вылезти потихоньку в окно, но Люся опять вспомнила, что мы еще должны вставлять пропущенные

буквы в слова. У меня даже зубы заныли от досады. Кому интересно делать бесполезную работу! Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Но делать нечего. Как не хотелось, а вставлять пришлось.

П...друга дней моих суровых,
Г...лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Так ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над ней, и все.

Но как же быть с этой «п...другой»? Мы посоветовались и решили уже вставить букву «а», как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припереться. Я во всяком случае их не звал. Не хватало еще, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегодня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрили относились свысока, потому что учились лучше нас.

У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто ей выдали их за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, все делала с толком и никуда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком его звала бабушка. Поэтому и мы все стали его так называть. Только Катя звала его Евгением. Она любила все делать правильно.

Катя поздоровалась, посмотрела на Люсю и сказала: — Опять у тебя коса расплелась. Это неряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причесываться. Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

— Раз вы здесь оба,— сказала Катя,— мы вас двоих и подтянем.

— Подтягивайте скорей, — закричала Люся, — а то нам некогда! Мы еще не все уроки сделали.

— А какой ответ получился у вас в задаче? — спросила Катя точь-в-точь, как Зоя Филипповна.

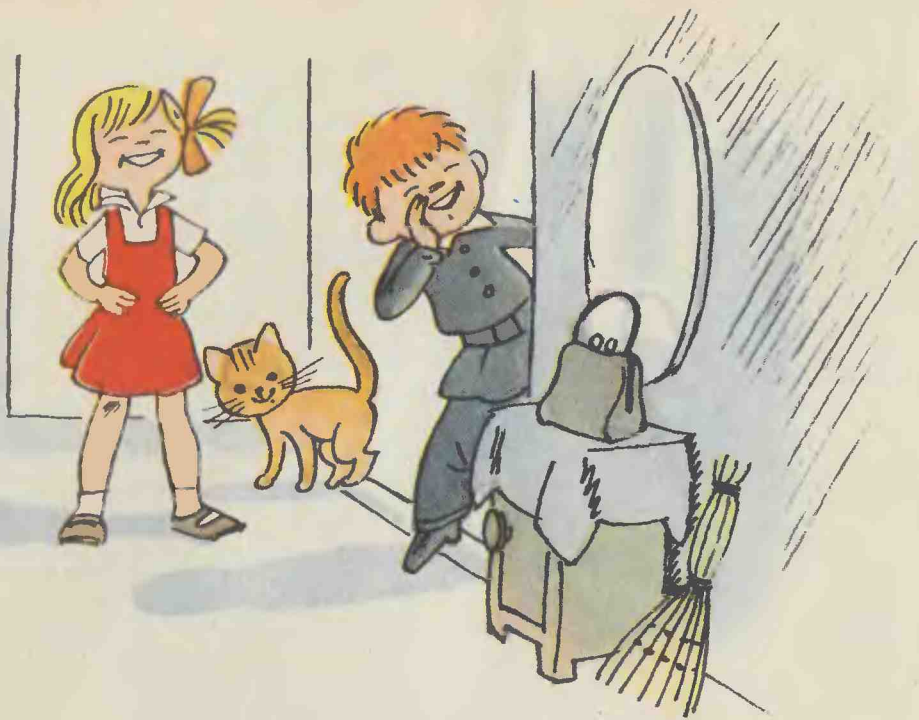
— Полтора землекопа,— ответил я нарочно очень грубо.

— Неправильно, — спокойно сказала Катя.

— Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! — ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя вздохнула, покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

— Ей больше всех надо! — выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

— Пойдем, Евгений. Они еще и грубят!

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы очень этому удивились. Наверно, он заметил, как мы с Люской его передразнивали. Катя сказала, что они сейчас же уйдут и от этого хуже будет только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

— Прощайте, лодыри, — ласково сказала Катя.

— Прощайте, лодыри, — пискнул Женьчик.

— Попутный ветер в спину! — гаркнул я.

— До свидания, Пятеркины-Четверкины! — пропела Люська Карандашкина.

Это, конечно, было не совсем вежливо. Ведь они были у меня в гостях. Конечно, я их не звал, но все же...

Вежливо, невежливо, а все-таки я их выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно до чего не хотелось делать уроки! Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось была сильная воля. Надо будет помириться с ней и спросить, как это она ее приобрела. Папа говорит, что каждый человек может выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасность. Ну, а с чем бороться? Папа говорит — с ленью. Но разве лень — это трудность? Нет, здесь что-то не так. А вот опасность я бы с удовольствием презирал, да только где ж ее возьмешь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По моему, когда человека силой заставляют делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье. Я даже из истории это вижу. Не хотелось крестьянам быть крепостными и работать на помещиков, а их заставляли. Они и были несчастными. Не хотелось рабочим, чтобы их притесняли на фабриках, а их зарботки забирали хозяева, но их заставляли. Они тоже были несчастливы. И очень хорошо сделали, когда вместе с крестьянами устроили революцию и ликвидировали царя как класс. Теперь все стали свободными, работают на себя и потому счастливы. Я не терплю, когда людей угнетают и заставляют делать то, что им совсем не хочется.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и скучные. И они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно.

Я вдруг так возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и швырнул на пол.

— Надоели! — закричал я не своим голосом.

И вдруг раздался такой грохот, как будто с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно. А ведь только что за окном светило солнце. Потом комната осветилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

— А кто вы такие будете?

— Ты присмотришься внимательней, может быть, и узнаешь, — ответил человечек с кляксой.

— Он не привык глядеть на нас внимательно точка, — сердито сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я все понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

— Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! — кричала География.

— Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак. Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак, — надрывалась Грамматика.

— Почему вы так напали на меня? Разве Сережа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

— Пять двоек! — крикнули хором учебники.

— Но ведь я приготовил уроки сегодня!

— Сегодня ты неправильно решил задачу!

— Не усвоил зоны!

— Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

— Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак. Не знать родного языка тире позор запятая несчастье запятая преступление восклицательный знак.

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без ударных гласных и без умения решать задачи и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники сразу онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я на их глазах нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, вы думаете, наказать? Ничего подобного, — спасти! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки с ней сразу же согласились.

— А есть ли в этой стране трудности и опасности? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответила География.

— Все путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два — четыре, — прибавила Арифметика.

— Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак! — воскликнула Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не трогай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!» И еще с десятков разных «не», которых я терпеть не могу. Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером — вот папа удивится!

— А может быть, придумаем для него что-нибудь другое? — спросила География.

— Не надо мне другого! — закричал я. — Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасно-трудную страну.

Я было хотел спросить их, а удастся ли мне там закалить волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки, но не спросил. Раздумал.

— Ну, хорошо, — сказала География, — решено.

— Ответ правильный. Перерешать не будем, — добавила Арифметика.

— Отправляйся немедленно точка, — закончила Грамматика.

— Ладно, — сказал я как можно вежливей. — Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолеты не летают, пароходы не плывут.

— Мы поступим так запятая, — сказала Грамматика, — как всегда поступали в русских народных сказках точка. Возьмем клубок многоточие.

Но клубка у нас никакого не было. Моя мама не умеет вязать.

— Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? — спросила Арифметика, и так как я не понял, что такое «шарообразное», она объяснила: — Это все равно, что круглое.

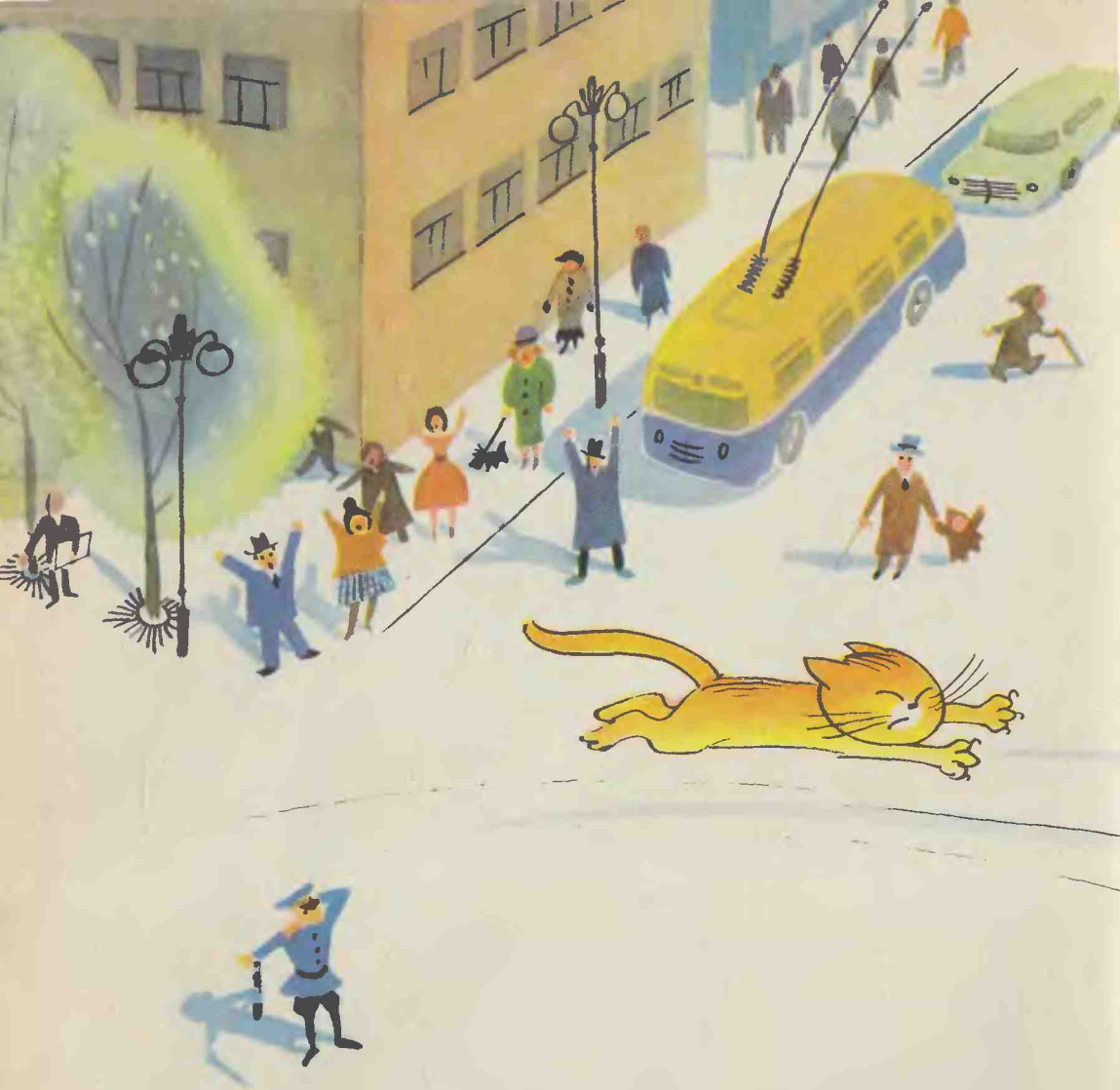
Круглое? Я вспомнил, что тетя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь ее и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус — великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой. После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя — за мной.

— Назад! — крикнул я коту, но он не слушался.

— Я пойду с то-

бой, — заявил мой кот человеческим русским голосом. География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

— Если тебе придется очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей прыгнули с подоконника и сразу стали

быстро подыматься в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся — голова закружится. Чтоб не было так уж страшно, не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели — не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему веревочкой и он тащил нас на буксире.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Все же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счетом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любит наблюдать за всем, что движется. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной дорожке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним.

За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар. На нем вырезаны две переплетенные буквы — Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой — такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошел поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они все-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошел к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт. Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

— Ты кто? — отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричал во весь голос:

— Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвертого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покоился на Кузю и спросил:

— А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

— Это кот, — объяснил я Крючку, — он животное. А животные имеют право не учиться.

— Имя? Фамилия? — допрашивал Крючок.

— Перестукин Виктор, — ответил я, как на переключке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

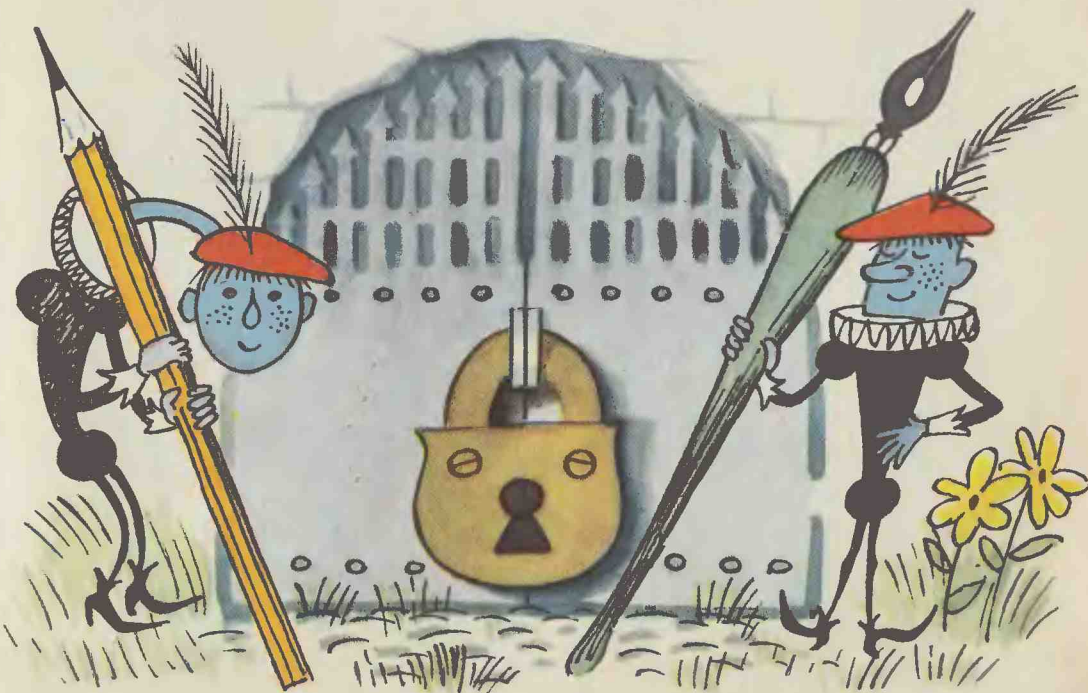
— Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! — без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд. Мне это здорово надоело. Мяч привел нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у ее ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

— Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же

отопрет замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

— Пиши! — крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ... и остановился.

— Пиши! Дальше! — приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: КлючИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чем тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

— Нельзя! Неуч! Невежда! Ох! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! — Почему-то он ничего не говорил спокойно, а только все выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя все время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

— Зря расселся, — сказал Кузя, — все равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

— Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишется ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный — замоЧЕК, родительный — замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно — замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить и «ключик». Именительный — клюЧИК, родительный —

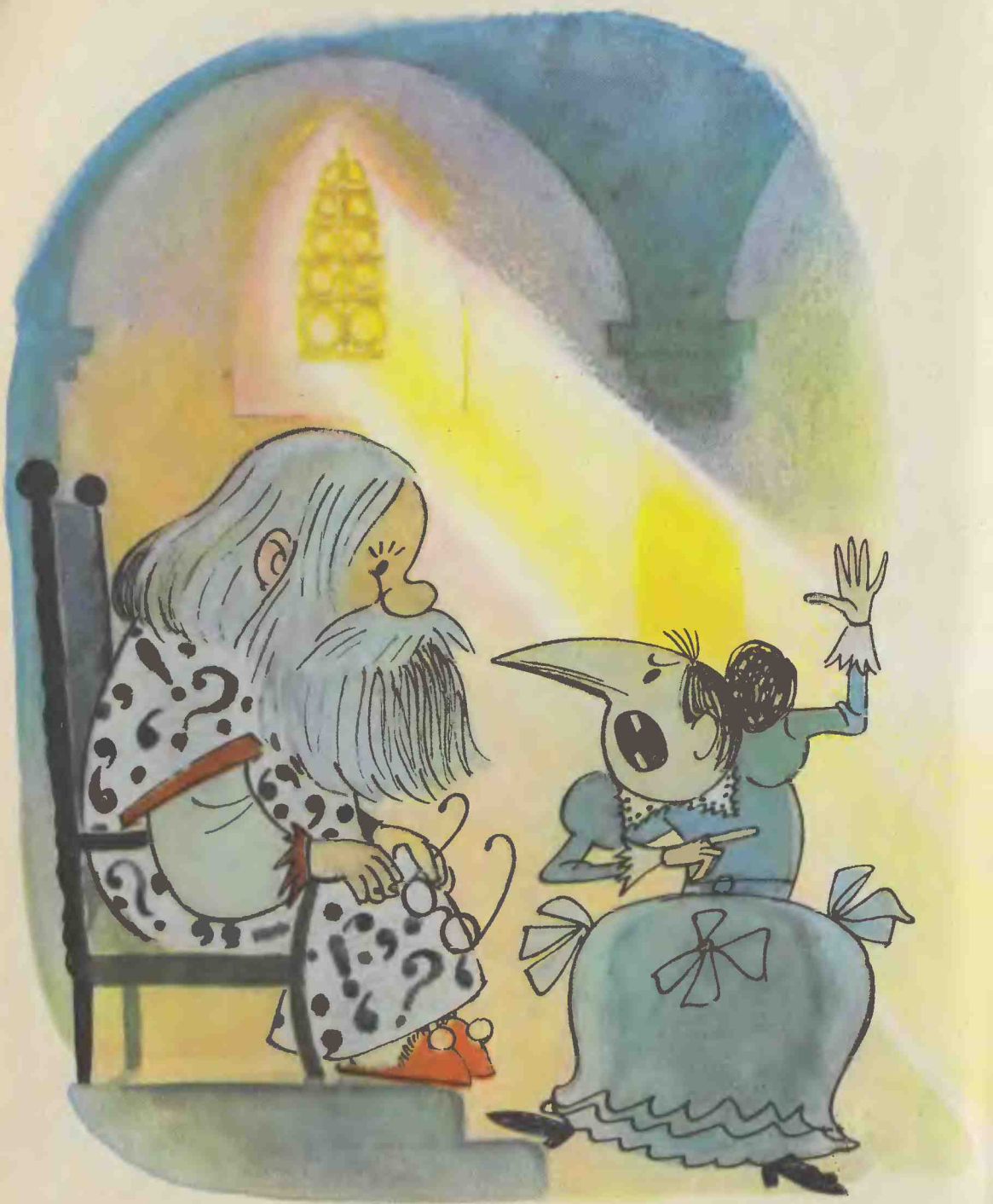
КЛЮЧИКА. Гласная остается на месте. Значит, надо написать «КЛЮЧИК».

Палка захлопал в ладоши и закричал:

— Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК. КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперед, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я запросто вспомнил правило и открыл замок! Если все время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую елочку, его можно было принять за деда-мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим черным шелком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сторбленная старушка со злыми красными глазками. Она все что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напомнила бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у нее сосиски.

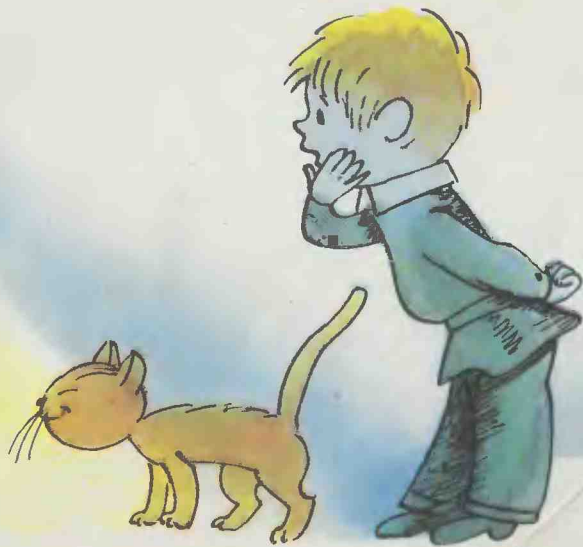
— Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! — сказала старушка.

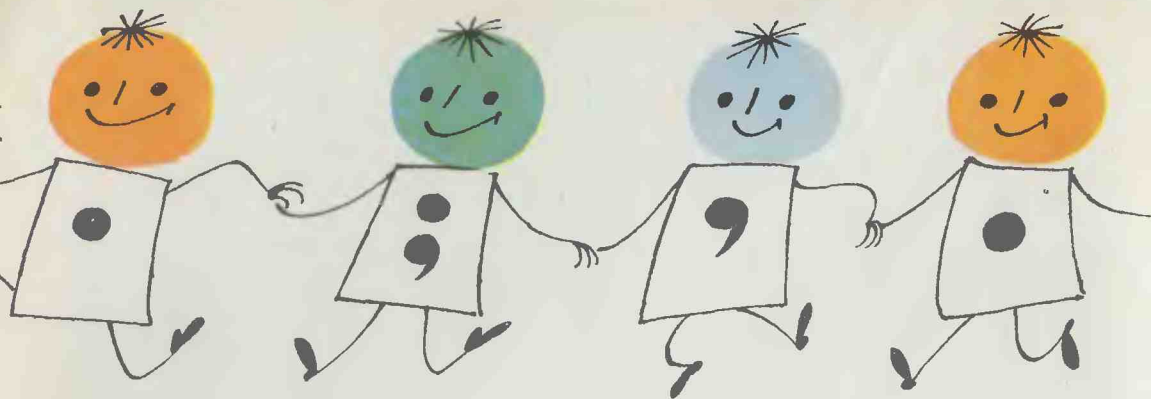
Старик важно посмотрел на меня.

— Перестань! Не злись, Запятая! — приказал старик.

Оказывается, это была Запятая! Ох и кипятилась же она!

— Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка еще ни разу не поставил меня на мое место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошел.

Запятая еще больше засуетилась и прошипела:

— Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели, это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

— Расскажи, как ты учишься, — приказал мне Глагол.

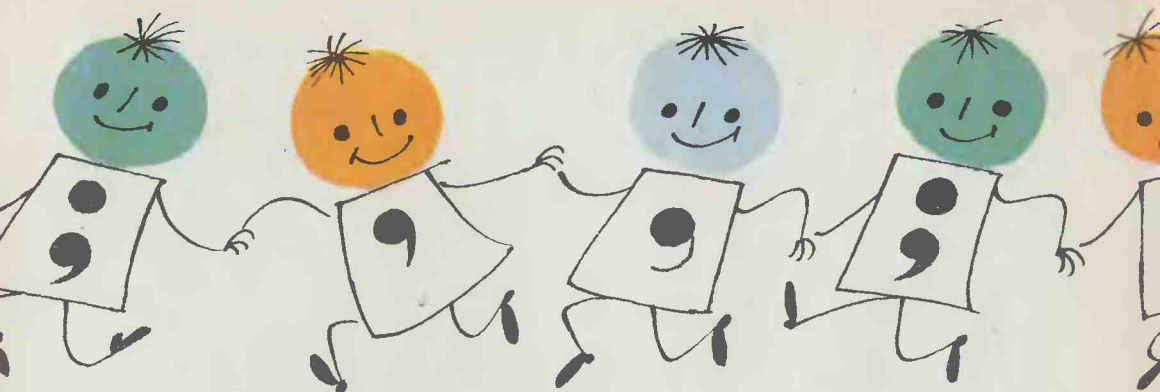
— Скажи, что хорошо, — прошептал Кузя, но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

— А знаешь ли ты грамматику? — ехидно спросила Запятая.

— Скажи, что отлично знаешь, — снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать вопросы! Но злой старухе до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

— Разные? — зашипела Запятая. — А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

— Давайте документы! — завопила старуха противным голосом.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платицах черные кружочки, а у других — крючочки, у третьих — и крючочки и кружочки. Два человечка внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули ее, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел еще безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

— Двойка! — злорадно объявила Запятая, как будто и без нее не было ясно, что это двойка, а не пятерка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было еще хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

— Перевернуть! — приказал Глагол.

Тетрадь застонала еще жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: «Эта коля».

— Перевернуть? — спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

— Довольно, — приказал старик. — Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

— Разрешите мне мяукнуть? — неожиданно вылез Кузя. — Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки все-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:
— Ах! Ох! Уморил! Потеха! Ой! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щеки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что не знаю, кто я. Кузя поддержал меня. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно нас выслушал, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой — раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Мы ребята точные,
Мы зовемся точками.
Чтобы правильно писать,
Где нас ставить, надо знать.
Наше место надо знать!

Кузя спросил, знаю ли я, где их надо ставить. Я ответил, что иногда ставлю их правильно.

Глагол снова взмахнул линейкой, и точек сменили человечки, на платяницах которых были вышиты две запятые. Они взялись за ручки и спели:

Мы веселые сестрички,
Неразлучные Кавычки.
Если я открою фразу, — спела одна,
Я ее закрою сразу, — подхватила другая.

Кавычки! Знаю я их! Знаю и не люблю. Поставишь их — говорят, не надо; не поставишь — говорят, вот здесь то и надо было поставить кавычки. Никогда не угадаешь...

После Кавычек вышли Крючок и Палка. Ну и смешная же это была парочка!

Крючок запел толстым голосом:

Меня и брата знает всякий,
Мы выразительные знаки.
Я самый значительный —
Вопросительный!

А Палка спел совсем коротко:

Я самый замечательный —
Восклицательный!

Вопросительный и восклицательный! Старые знакомые! Они были немножко лучше остальных знаков. Их реже надо было ставить, поэтому за них реже и попадало. Они были все же приятней, чем эта злая горбунья Запятая. Но она уже стояла передо мной и пела своим скрипучим голосом:

Хоть я лишь точка с хвостиком,
Невелика я ростиком.
Но я грамматике нужна,
И я для чтения важна.

У Кузи даже шерсть стала дыбом от такого нахального пения. Он попросил у меня разрешения оторвать у Запятой хвостик и превратить ее в точку. Разумеется, я не раз-

САБАКА

решил ему хулиганить. Может быть, мне самому хотелось кое-что сказать старухе, но надо, же себя как-то сдерживать. Нагрубишь, а потом они тебя отсюда и не выпустят. А уйти от них давно уже хотелось. С тех самых пор как я увидел свою тетрадь. Я подошел к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта открыть, как Запятая заверещала на весь зал:

— Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!

Тут же она стала придумывать всякие примеры.

На мое счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Она весело махала хвостиком и ласкалась. Я нагнулся и погладил ее по рыжей спинке.

— Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! — ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе черная доска. На ней было написано мелом: «С...бака».

Я быстро сообразил, в чем дело. Взял мел и вписал букву «а». Получилось: «Сабака».

Запятая расхохоталась. Глагол нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался ее злой морды и побежал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стер «а» и написал «о». Собака тут же перестала рычать. лизнула мою руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через «о»

— Может быть, только эта собака пишется через «о»? — спросил Кузя, — а все другие через «а»?

— Кот такой же невежда, как его хозяин, — хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любовью подлости.

Пока шел этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу посветлело.

— Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! — радостно выкрикивал Восклицательный.

— Ваше величество, солнце, — шепнула Запятая Глаголу. — Спросите невежду...

— Хорошо, — согласился Глагол и махнул рукой. На черной доске исчезло слово «Собака» и появилось слово «Со...нце».

— Какая буква пропущена? — спросил Вопросительный.

Я прочел еще раз: «Со...нце». По-моему, тут ничего не пропущено. Если все буквы на месте, зачем же вставлять лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился все больше и больше. Луч солнца скрылся. В зале стало темно и очень холодно.

— Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! — вопил Восклицательный.

— Где солнце? Где тепло? Где свет? — непрерывно как заведенный спрашивал Вопросительный.

— Мальчишка рассердил солнце! — гневно гремел Глагол.

— Я замерзаю, — плакал Кузя и жался ко мне.

— Отвечай, как пишется слово «солнце»! — приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово «солнце»? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: «Солнце! Солнышко! Солнечный!» Ага! Вылезла буква «л». Я схватил мел и быстро вписал ее. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

— Да здравствует солнце через букву «л»! — весело запел я.

— Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! — кричал Вопросительный. Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

— Солнышку веселому школьный наш привет! Нам без солнца милого просто жизни нет.

— Замолчать! — рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

— Прибывший к нам ученик четвертого класса Виктор Перестукин, — сурово говорил старик, — обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово наказан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключить Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушел. Запятая побежала за ним и все время приговаривала на ходу:

— Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

Человечки принесли большие железные скобки и поставили их слева и справа от меня.

— Все это очень плохо, хозяин, — сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. — Нельзя ли улизнуть отсюда?

— Это было бы очень здорово, — ответил я, — но ты же видишь, что я арестован, заключен в скобки и нас сторожат. Кроме того, и мяч лежит неподвижно.

— Бедный! Несчастный! — застонал Восклицательный. — Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

— Тебе страшно, мальчик? — спросил Вопросительный.

Вот чудаки! Почему мне должно быть страшно? Почему меня нужно жалеть?

— Не надо злить сильных, — серьезно сказал Кузя. — Одна моя знакомая кошка имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пес сорвался с цепи и навсегда отучил ее от этой привычки.

Добрые знаки волновались все больше и больше. Восклицательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла. Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу все, что пожелаю, если правильно напишу свое желание. Конечно, тут же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос еще раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах «любительская» и «полтавская» можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил написать просто «колбаса». Но есть колбасу без хлеба не очень-

то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске: «Хлеп». Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели. Нас обманули.

— Где же ваш хлеб?

— Написано неправильно! — хором ответили знаки.

— Не знать, как пишется такое важное слово! — проворчал кот.

Я взял мел и крупно вывел: «Калбаса».

— Неправильно! — закричали знаки.

Я стер и написал: «Калбоса».

— Неправильно! — завопили знаки.

Я опять стер и написал: «Колбоса».

— Неправильно! — заорали знаки. Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

— Поели и хлеба и колбасы, — вздохнул Кузя. — непонятно, зачем мальчики ходят в школу. Неужели тебя там не научили правильно написать хоть одно съедобное слово.

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стер «колбасу» и написал «лук». Тотчас же явились точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слезы.

Вдруг раздался гонг.

— Не плачь! — крикнул Восклицательный. — Еще есть надежда!

— Как ты относишься к Запятой, мальчик? — спросил Вопросительный.

— По мне, она вовсе не нужна, — ответил я откровенно. — Читать можно и без нее. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь ее поставить, тебе непременно попадет.

Восклицательный еще больше расстроился и стал охать на все лады.

— А ты знаешь, что запятая может решить судьбу человека? — спросил Вопросительный.

— Хватит рассказывать сказки, я не маленький.

— Мы с хозяином уже давно не котята, — поддержал меня Кузя.

В залу вошли Запятая и несколько Точек, которые несли большой свернутый лист бумаги.

— Это приговор, — объявила Запятая.

Точки развернули лист. Я прочел:

ПРИГОВОР

по делу невежды Виктора Перестукина:

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

— Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Помиловать! — радовался Восклицательный. — Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Великодушно! Ура! Чудесно!

— Вы думаете, казнить нельзя? — серьезно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чем они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет, нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

— Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

— За что казнить? — закричал я. — За что?

— За невежество, лень и незнание родного языка.

— Но ведь тут ясно написано: казнить нельзя.

— Это нечестно! Мы будем жаловаться, — вопил Кузя, хватая Запятую за хвостик.

— Ах! Ох! Увы! Ужасно! Не переживу! — стонал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же расправились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует и, пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя. Милиции и суда здесь тоже, конечно, нет. Прямо как в старое время. Что царь захотел, то и делает. Вообще этого царя, его величество Глагола Повелительного Наклонения следовало бы тоже ликвидировать как класс. Распоряжается тут всей грамматикой!..

Восклицательный ломал ручки и все время выкрикивал какие-то междометия. Из глазок его катились мелкие слезки. Вопросительный приставал к Запятой:

— Неужели вы ничем не можете помочь несчастному мальчику?

Они все-таки были славные ребята, эти знаки!

Запятая немного поломалась, но потом ответила, что я сам мог бы себе помочь, если бы знал, где надо поставить запятую в приговоре.

— Пусть он наконец поймет, какое значение имеет запятая, — важно сказала горбунья. — Запятая даже может спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет.

Конечно, я этого хотел!

Запятая хлопнула в ладошки, и на стене появились огромные часы. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать.

— Пять минут на

размышление, — скрипела старуха. — Ровно в двенадцать запятая должна стоять на месте. В двенадцать часов и одну минуту будет уже поздно.

Она сунула мне в руку большой карандаш и сказала :
— Раз!

Часы тут же принялись громко отстукивать и отсчитывать время. «Тик-так, тик-так, тик-так». Вот протикают несколько раз, и минутка долой. А их всего пять.

— Вопросы будут? — дрожащим голосом спросил Вопросительный.

— Будут, — обрадовался я. — Куда мне поставить запятую?

— Увы! Решай сам! — заплакал Восклицательный. Кузя подбежал к нему и стал ласкаться.

— Подскажи, подскажи моему хозяину, где надо поставить эту проклятую запятую, — умолял Кузя. — Подскажи, просят же тебя как человека.

— Подсказать? — завизжала Запятая. — Ни в коем случае! У нас подсказка строго воспрещена!

А часы тикали. Я взглянул на них и обомлел: они уже успели отстучать три минуты.

— Зови Географию! — завопил Кузя. — Разве ты не боишься смерти?

Я боялся смерти. Но... а как же тогда быть с закаливанием воли? Я же должен презирать опасность, а не бояться ее? А если я сейчас струшу, где я потом опять достану себе опасность? Нет, это мне никак не подходит. Звать никого нельзя. Что я в самом деле скажу Географии? Здравствуй-те, уважаемая География! Извините за беспокойство, но я, понимаете, немножко сдрейфил...

А часы тикали.

— Торопись, мальчик! — закричал Восклицательный. — Ах! Ох! Увы!

— Знаешь ли ты, что осталось всего две минуты? — тревожно спросил Вопросительный.

Кузя заурчал и вцепился когтями в подол Запятой.

— Ты желаешь мальчику смерти, — злобно шипел кот.

— Он ее заслужил, — сказала старуха, отдирая кота.

— Что же мне делать? — нечаянно вслух спросил я.

— Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! — выкрикивал Восклицательный. Слезы лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело — рассуждать, когда... Но все же я решил попробовать.

— Казнить нельзя помиловать... Если я поставлю запятую после слова «казнить», то будет так: «Казнить, нельзя помиловать». Значит, получится — нельзя помиловать? Нельзя!

— Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! — зарыдал Восклицательный. — Казнить! Увы! Ох! Ах!

— Казнить? — спросил Кузя. — Нам это не подходит.

— Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? — сквозь слезы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута... А что будет потом? — Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать.

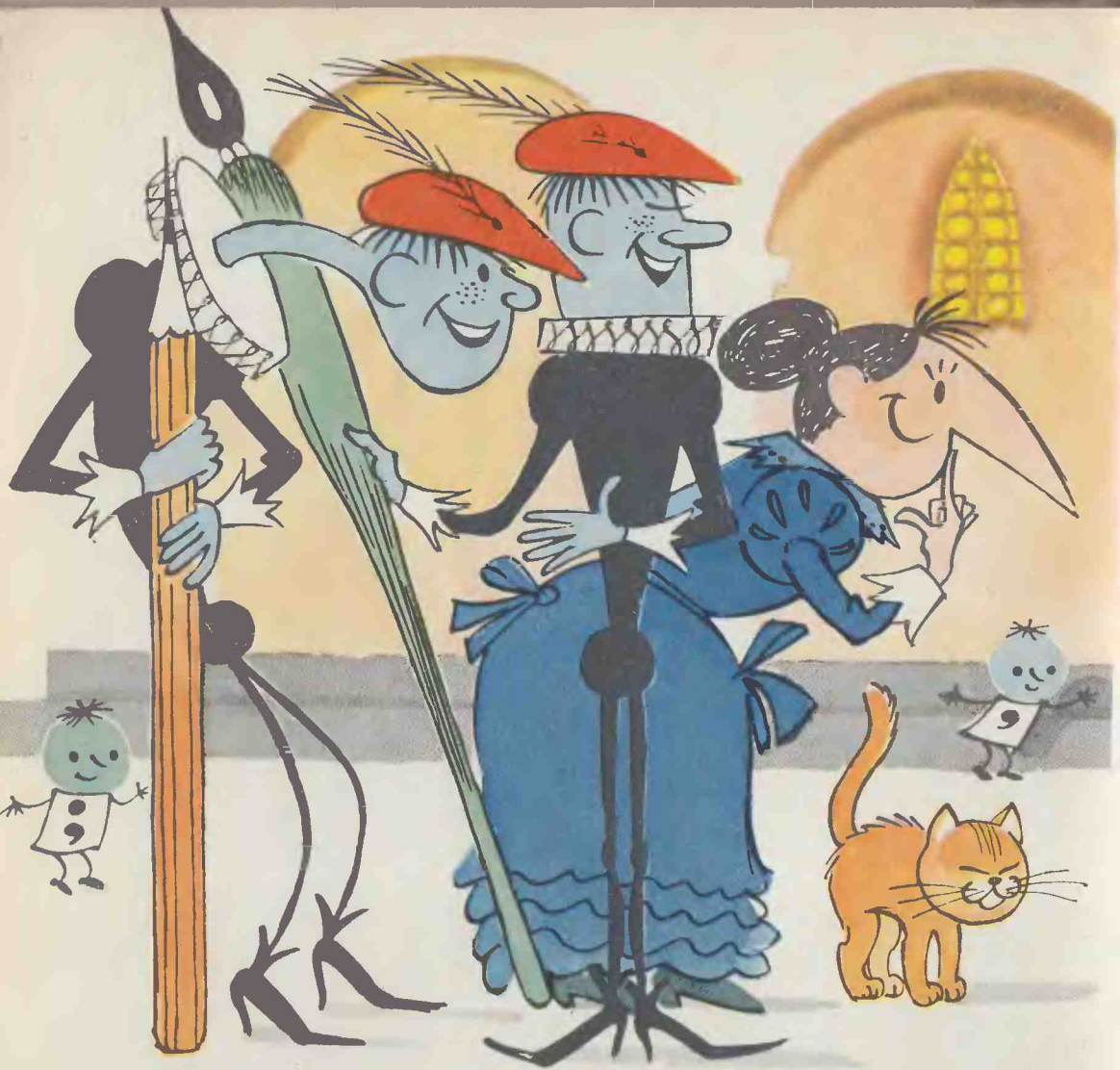
— А если поставить запятую после слов «казнить нельзя»? Тогда получится: «Казнить нельзя, помиловать». Вот это мне и надо! Решено. Ставлю.

Я подошел к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова «нельзя». В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

— Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! — радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела:

— Помни, что когда ты даешь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на мое место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твердо обещал ей, что научусь.
Наш мяч зашевелился, и мы с Кузей заторопились.
— До свидания, Витя! — кричали вслед знаки препи-
нания. Мы еще с тобой встретимся на страницах книг, на
листах твоих тетрадей!

— Не путай меня с братом! — кричал Восклицательный. — Я всегда восклицаю!

— Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? — спрашивал Вопросительный.

Мяч выкатился за ворота. Мы побежали за ним.

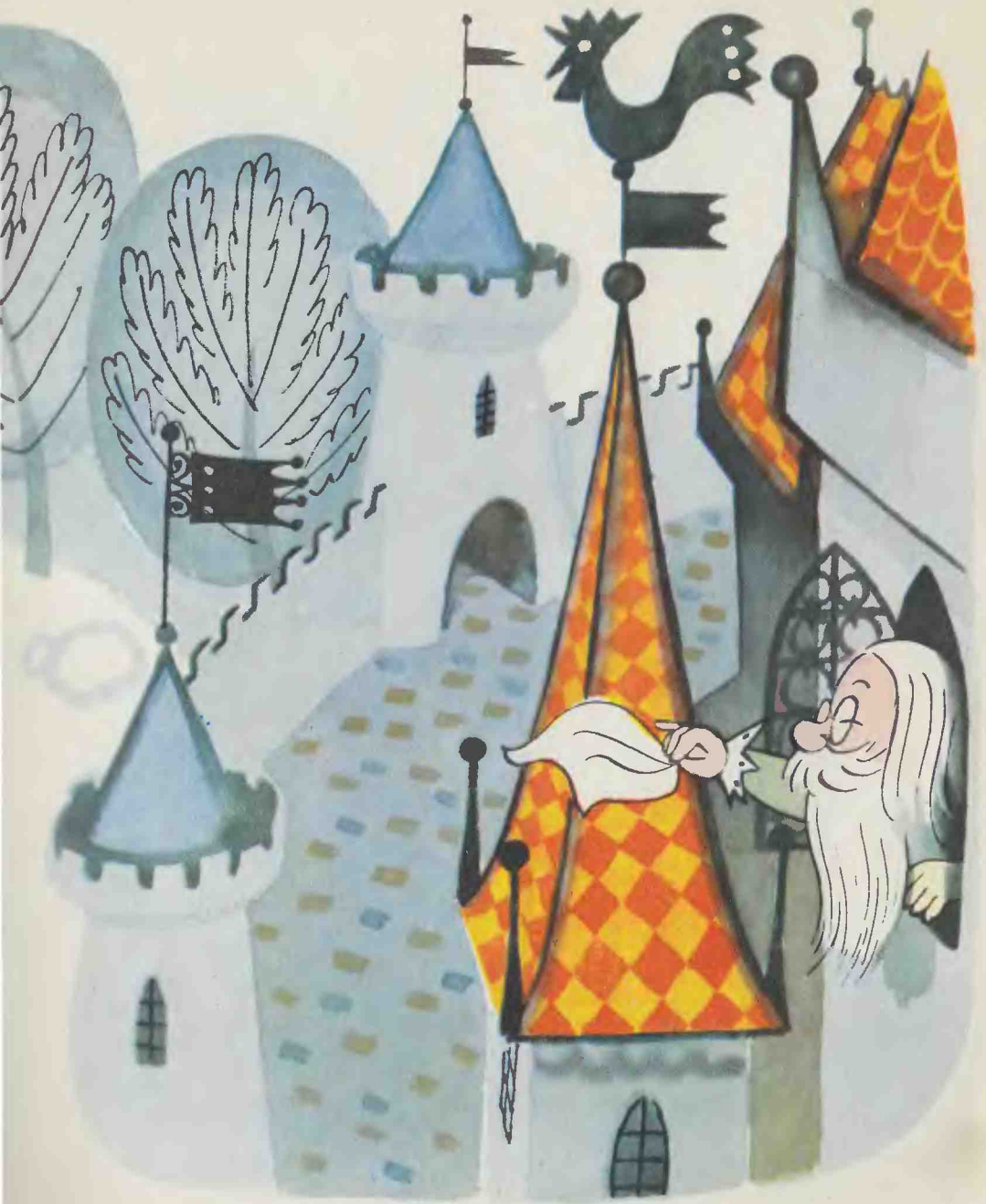
Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго еще слышались выкрики Восклицательного. Потом все смолкло, и замок скрылся за холмом.

Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали все, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, а спас себя сам.

— Да, это вышло удачно, — согласился Кузя. — Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот служил в мясном магазине. Он никогда не ждал, пока продавец расщедритя и бросит ему довесок. Он сам угощался лучшим мясом. Этот кот всегда говорил: «Никто так о тебе не позаботится, как ты сам».

Что за противная привычка была у Кузи десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животны-

ми. Вот, например, он сам, Кузя, вел себя, как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кузя замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил какую-то рыжую кошку Фроську, которая говорила: «Ради дружбы отдам последнюю мышь». Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя — животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделаться. Я решил рассказать ему еще одну полезную историю, которую слышал от папы.

Как люди одомашнили некоторых животных. Я ему рассказал, как кошки и собаки стали друзьями человека. Как человек выбрал их среди других животных. Как вы думаете, что мне ответил этот нахальный кот? Собаку, по его

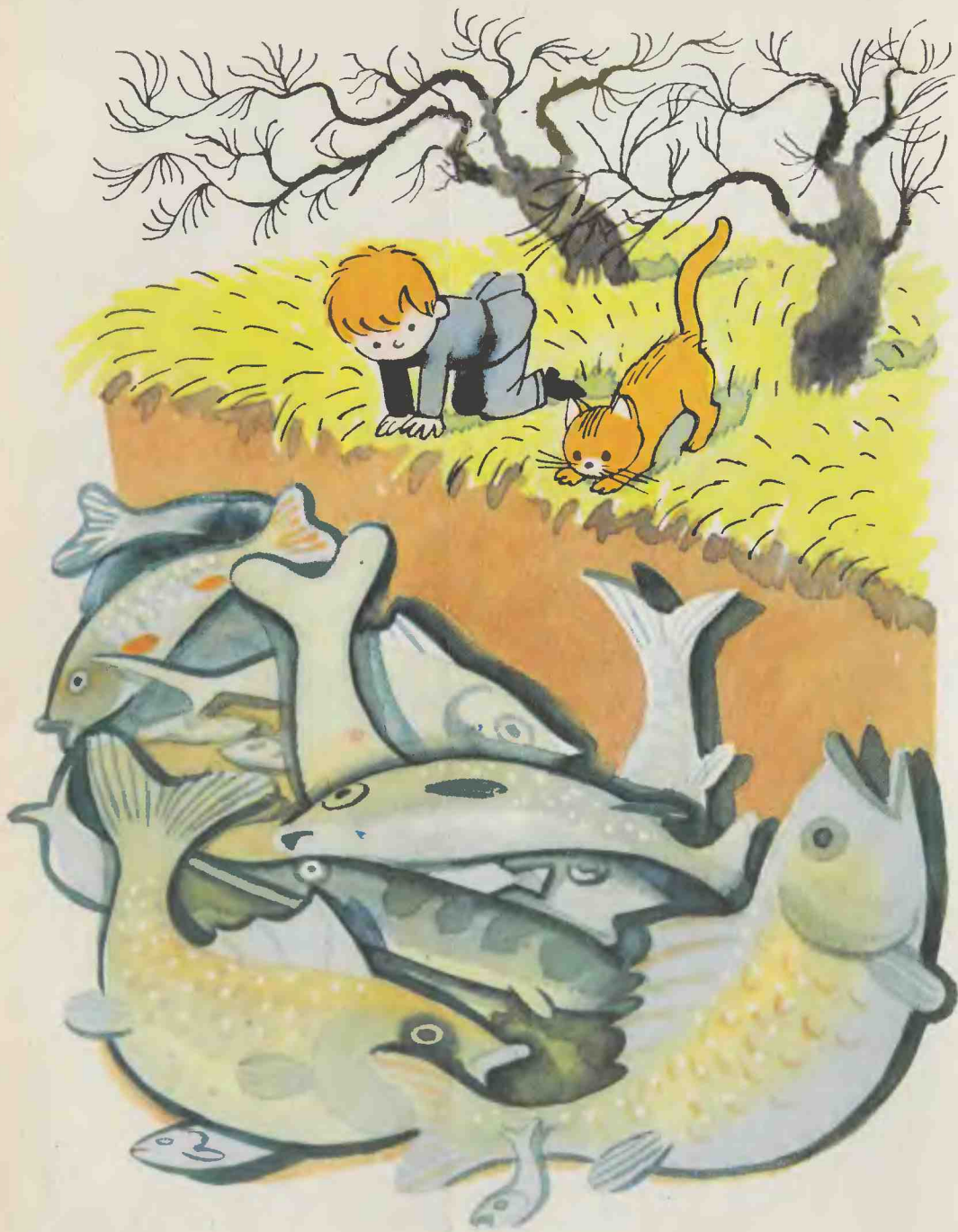

мнению, человек выбрал сам и тем самым совершил ужасную ошибку. Ну, а кошку... с кошкой все обстояло не так. Потому что не человек выбрал кошку, а кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я долго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошел бы до того, что объявил царем природы не человека, а кошку. Нет, Кузиным воспитанием надо было заняться серьезно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чем не задумывался? Запятая сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И правда. Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить запятую. Я бы, наверно, никогда не отставал в классе, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в крестики-нолики. Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, еще не известно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

А интересно было бы посмотреть, как справилась бы на моем месте Катя? Хорошо, что она не видела меня в замке у Глагола. Вот разговоров было бы... Нет, все же я доволен, что побывал в этой стране. Во-первых, я теперь всегда буду правильно писать слова «собака» и «солнце». Во-вторых, я понял, что правила грамматики учить все же надо. Они могут пригодиться при случае. А в-третьих, оказалось, что знаки препинания в самом деле нужны. Вот если бы мне дали прочесть целую страницу без знаков препинания. Смог бы я ее прочесть и понять, что там написано? Я бы читал, читал, не переводя дыхания, пока не задохнулся. Что тут хорошего? Кроме того, я мало что понял бы от такого чтения.

Так я думал про себя. Кузе все это рассказывать было бы не к чему. Я так раздумался, что не сразу заметил,

когда кот начал жаловаться на жару. В самом деле, стало-вилось все жарче и жарче. Потом я увидел, что трава под ногами сильно пожелтела. Листья свернулись в трубочку. Земля стала твердая, словно асфальт, а местами даже потрескалась.

Очень захотелось пить, но нигде не было ни одного ручейка. Кузя изнывал от жажды. Я сам много бы дал за стакан газированной с сиропом. Но об этом можно было только мечтать.

Мы шли мимо русла высохшей речки. На его дне, как на сковородке, валялись сухие рыбки.

— Куда девалась вода? — жалобно спрашивал Кузя. — Неужели тут нет ни графинов, ни чайников, ни ведер, ни кранов? Нет всех этих полезных и хороших вещей, из которых добывается вода?

Я молчал. Мой язык как будто высох и не ворочался.

А наш мяч все катился. Он остановился только на полянке, выжженной солнцем. Посредине нее торчало голое скрюченное дерево. А вокруг поляны скрипел сухими, черными ветками голый лес.

Я сел на холмик, засыпанный пожелтевшими листьями. Кузя прыгнул ко мне на колени. Ох, как нам хотелось пить! Я даже не знал, что можно так хотеть воды. Все время я как будто видел холодную струю. Она так красиво льется из крана и весело поет. Вспоминался мне и наш хрустальный кувшин и даже капельки на его хрустальных бочках.

Я закрыл глаза и, как во сне, увидел тетю Любашу: на углу нашей улицы она продавала газированную воду. Тетя Любаша держала стакан холодной воды с вишневым сиропом. Ах, этот стаканчик бы!.. Пусть даже без сиропа. Да что там стаканчик! Сейчас я мог бы выпить целое ведро.

Вдруг холмик подо мной зашевелился. Потом стал рости и сильно раскачиваться.

— Держись, Кузя! — закричал я и скатился вниз.

— Здесь даже горки и то сумасшедшие, — ворчал Кузя.

— Я не горка, я верблюд, — услышали мы чей-то жалобный голос.

Наша «горка» встала на ноги, отряхнула с себя листья, и мы в самом деле увидели верблюда. Кузя тут же выгнул спину и спросил:

— А не собираетесь ли вы съесть мальчика и его верного кота?

Верблюд сильно обиделся.

— Неужели вы не знаете, кот, что верблюды едят траву, сено и колючки? — насмешливо спросил он Кузю. — Единственная неприятность, которую я могу вам сделать, — это плюнуть на вас. Но я не собираюсь плевать. Мне не до этого. Даже я, верблюд, умираю от жажды.

— Пожалуйста, не умирайте, — попросил я бедного верблюда, но он только жалобно застонал.

— Никто дольше верблюда не может переносить жажду. Но наступает время, когда и верблюд протягивает ноги. В лесу погибло уже много зверей. Еще есть живые, но и они умрут, если их немедленно не спасти.

— Из лесу доносились тихие стоны. Мне было так жалко несчастных зверушек, что я немножко забыл о воде.

— А могу я чем-нибудь помочь им? — спросил я верблюда.

— Ты можешь их спасти, — ответил верблюд.

— Тогда побежим в лес, — сказал я.

Верблюд засмеялся от радости, а Кузя совсем не обрадовался.

— Думай, что говоришь, — недовольно шипел кот. — Как это ты можешь их спасти? Какое тебе дело до них?

— Ты эгоист, Кузя, — сказал я ему спокойно. — Обязательно пойду их спасать. Вот верблюд расскажет мне, что надо сделать, я их и спасу. А ты, Кузя...

Только было собрался сказать Кузе, что я думаю о его выходке, как... рядом со мной что-то сильно затрещало. Скрюченное дерево распрямило сухие ветки и превратилось в сморщенную, худую старуху в рваном платье. В ее спутанных волосах застряли сухие листья.

Верблюд шархнул в сторону. Старуха стала разглядывать нас с Кузей. Мне было совсем не страшно, даже когда она загнула басом:

Кто здесь кричит, нарушая покой?
Скверный мальчишка, кто ты такой?

— Не говори, что ты Перестукин, — испуганно зашептал Кузя. — Скажи, что ты Серокошкин.

— Сам ты Серокошкин. А моя фамилия Перестукин, и мне нечего ее стыдиться.

Как только старуха услышала это, она сразу переменялась: согнулась пополам, состроила сладкую улыбку и от этого стала еще противней. И вдруг... она стала расхваливать меня на все лады! Она хвалила, я удивлялся, а верблюд стонал. Она говорила, что именно я, Виктор Перестукин, помог ей превратить зеленый лес в сухие бревна. Все борются с засухой, один только я, Виктор Перестукин, оказался ее лучшим другом и помощником. Оказывается, что я, Виктор Перестукин, сказал на уроке волшебные слова...

— Так я и знал! — отчаянно завопил Кузя. — Наверно, ты, хозяин, брякнул что-нибудь неподходящее.

— Твой хозяин, — застонал верблюд, — брякнул на уроке, что вода, которая испаряется с поверхности рек, озер, морей и океанов, исчезает.

— Круговорот воды в природе, — вспомнил я. — Зоя Филипповна! Пятая двойка!..

Старуха выпрямилась, подбоченилась и забасила:

Он правильно сказал, что навсегда
Исчезнет ненавистная вода
И все живое сгинет без следа.

Это чучело почему-то говорило только стихами. От ее слов пить хотелось еще больше. Из лесу снова послышались стоны. Верблюд подошел ко мне и зашептал на ухо:

— Ты можешь спасти несчастных... Вспомни круговорот воды, вспомни!

Легко сказать — вспомни. Зоя Филипповна битый час держала меня у доски, и то я ничего не мог вспомнить.

— Ты должен вспомнить! — злился Кузя. — По твоей вине мы страдаем. Ведь это ты сказал на уроке дурацкие слова.

— Какая ерунда! —
закричал я сердито. —
Что могут сделать слова?

Старуха заскрипела
своими сухими сучьями и
опять стала говорить сти-
хами:

Вот что сделали слова:
В сено высохла трава,
Больше дождь не будет капать,
Звери вытянули лапы,
Пересохла водопада
И засохли все цветы.
Это то, что мне и надо —
Царство мертвой красоты.

Нет, это было невы-
носимо! Кажется, я в са-
мом деле что-то натворил.
Придется все-таки вспо-
мнить круговорот. И я на-
чал бормотать:

— Вода, испаряясь с
поверхности рек, озер,
морей...

Старуха испугалась,
что я вспомню, и пусти-
лась плясать, да так, что
сухие ветки и листья ле-
тели во все стороны. Она
волчком вертелась пере-
до мной и выкрикивала:

Я ненавижу воду,
Дождей я не терплю.
Засохшую природу
Я до смерти люблю.

Голова у меня кружилась, пить хотелось все больше и больше, но я не сдавался и вспоминал изо всех сил.

— Вода испаряется, превращается в пар, превращается в пар и...

Старуха подбежала ко мне, замахала руками перед самым моим носом и стала шипеть:

В это самое мгновенье
На тебя найдет забвенье,
Все, что знал и что учил,
Ты забыл, забыл, забыл...

О чем я спорил со старухой? Почему злился на нее? Ничего не помню.

— Вспоминай, вспоминай! — отчаянно кричал Кузя, прыгая на задних лапах. — Ты говорил, вспоминал...

— О чем говорил?

— О том, что пар превращается..

— Ах, да, пар!.. — Я вдруг все вспомнил. — Пар охлаждается, превращается в воду и падает на землю дождем. Идет дождь!

Внезапно набежали тучки и сразу же на землю упали крупные капли. Потом они стали падать все чаще и чаще — земля потемнела. Зазеленели листья деревьев и трава. По руслу реки весело побежала вода. С вершины скалы с шумом хлынул водопад. Из лесу послышались радостные голоса зверей и птиц.

Я, Кузя и верблюды, промокшие насквозь, плясали вокруг перепуганной Засухи и кричали ей прямо в ее корявые уши.

Дождик, дождик, шибче лей-ка!
Гибни Засуха-злодейка!
Будет дождик долго лить,
Будут звери много пить.

Старуха вдруг изогнулась, растопырила руки и снова превратилась в сухое скрюченное дерево. Все деревья шумели свежими зелеными листьями, только дерево — Засуха — стояло голое и сухое. Ни одна дождинка на него не падала.

Из лесу выбежали звери. Они вволю напились воды. Зайцы прыгали и кувыркались. Лисы махали рыжими хвостами. Белки скакали по веткам. Ежи катились как мячики. А птицы стрекотали так оглушительно, что я не мог понять ни одного слова из всей их болтовни. Моего кота охватил телячий восторг. Можно было подумать, что он налился валерьянки.

— Пейте! Лакайте! — кричал Кузя. — Это мой хозяин сделал дождь! Это я помог хозяину достать столько воды! Пейте! Лакайте! Пейте сколько влезет! Мы с хозяином угощаем всех!

Не знаю, сколько времени мы бы вот так веселились, если бы из лесу не раздался страшный рев. Птицы исчезли. Звери мгновенно разбежались, словно их тут и не было. Только верблюд остался, но и он задрожал от страха.

— Спасайтесь! — закричал верблюд. — Это белый медведь. Он заблудился. Бродит тут и ругает какого-то Виктора Перестукина. Спасайтесь!

Мы с Кузей быстро зарылись в кучу листьев. Бедняга верблюд не успел удрать.

На полянку ввалился огромный белый медведь. Он сто-нал и обмахивался веткой. Он жаловался на жару, рычал и ругался. Наконец он заметил верблюда. Мы не дыша лежали под мокрыми листьями, все видели и все слышали.

— Это что такое? — ревел медведь, указывая лапой на верблюда.

— Это, простите, я, верблюд. Травоядное животное.

— Я так и думал. Горбатая корова. Зачем ты родился таким уродом?

— Простите. Больше не буду.

— Прощу, если ты скажешь, где находится север.

— С большой радостью скажу, если вы мне объясните, что такое север. Круглое это или длинное? Красное или зеленое? Чем пахнет и какое на вкус?

Медведь, вместо того чтобы поблагодарить вежливого верблюда, с ревом на него набросился. Тот припустил изо всех своих длинных ног в лес. В минуту оба исчезли из глаз.

Мы выползли из кучи листьев. Мяч медленно тронулся, и мы побрели за ним. Мне очень жаль было, что из-за этого грубияна медведя мы потеряли такого хорошего парня, как верблюд. Но Кузя о верблюде не жалел. Он все еще продолжал хвастаться, что мы с ним «сделали воду». Я не слушал его болтовни. Я опять думал. Так вот что значит круговорот воды в природе! Оказывается, вода на самом деле не исчезает. Она просто превращается в пар, а потом охлаждается и опять падает на землю в виде дождя. А если бы она совсем исчезала, то понемножку бы солнце все высушило и мы, люди, и животные, и растения высохли. Как те рыбки, которых я видел на дне высохшей речки. Вот так так! Выходит, что Зоя Филипповна поставила мне двойку за дело. Самое смешное, что и на уроке она говорила мне то же самое, и не раз. Почему же я не понял и не запомнил? Потому, наверно, что слушал и не слышал, смотрел и не видел...

Солнце не было видно, а все же становилось жарко. Снова захотелось пить. Но хотя лес по сторонам нашей дорожки и зеленел, речки мы нигде не видели.

Мы все шли да шли. Кузя успел рассказать мне с десятков историй про собак, котов и мышей. Оказывается, он близко знаком с Люськиной кошкой Топси. Мне всегда казалось, что Топси вялая и неигривая. К тому же она очень уж плаксиво и противно мяукала. Не замолчит, пока ей чего-нибудь не сунешь. А я не люблю попрошаек. Кузя мне рассказал, что Топси к тому же еще и воровка. Кузя клялся, что это она на прошлой неделе стащила у нас большой кусок свинины. Моя мама подумала на него и отхлестала его мокрым кухонным полотенцем. Кузе это было не так больно, как обидно. А Топси так обожралась свинины, что даже заболела. Люсины бабушка носила ее к ветеринару. Вот я вернусь, открою Люське глаза на ее милую кошечку.

За разговорами мы и не заметили, как подошли к какому-то чудному городу. Дома в нем были круглые, как

цирк Шапито, или квадратные или даже треугольные. Людей на улицах видно не было.

Наш мяч вкатился на улицу странного города и замер. Мы подошли к большому кубу и остановились перед ним. Два кругленьких человечка в белых халатах и шапочках продавали газированную воду. На шапочке у одного продавца был нарисован плюс, а у другого — минус.

— Скажите, — робко спросил Кузя, — а вода у вас настоящая?

— Положительно настоящая, — ответил Плюс. — Не желаете ли выпить?

Кузя облизнулся. Нам очень хотелось пить, но вот беда, у меня не было ни копейки, а у Кузи и подавно.

— У меня нет денег, — признался я продавцам.

— А у нас вода продается не за деньги а за правильные ответы.

Минус хитро прищурился и спросил:

— Семью девять?

— Семью девять... семью девять, — забормотал я, — кажется, тридцать семь.

— Мне так не кажется, — сказал Плюс.

— Ответ отрицательный, — добавил Минус.

— Дайте мне бесплатно, — попросил Кузя. — Я кот. И не обязан знать таблицу умножения.

Оба продавца вынули какие-то бумаги, читали их, листали, просматривали и потом хором объявили Кузе, что у них нет распоряжения бесплатно поить неграмотных котов. Пришлось Кузе только облизнуться.

К киоску подкатил велосипедист.

— Скорее воды! — закричал он, не слезая с велосипеда. — Я очень тороплюсь.

— Семью семь? — спросил Минус и протянул ему стакан с искристой розовой водой.

— Сорок девять, — ответил гонщик, на ходу выпил воду и умчался.

Я спросил продавцов, кто он такой. Плюс рассказал,

что это знаменитый гонщик, который занимается тем, что проверяет домашние работы по арифметике.

Ужасно хотелось пить. Особенно когда перед глазами стояли сосуды с прохладной розовой водой. Я не выдержал и попросил задать еще вопрос.

— Восемью девять? — спросил Минус и налил воды в стакан. Она так и шипела, так и покрывалась пузырьками!

— Семьдесят шесть! — выпалил я, надеясь, что попаду.

— Мимо, — сказал Минус и выплеснул воду. Было страшно неприятно смотреть, как чудесная вода впитывалась в землю.

Кузя стал тереться о ноги продавцов и униженно просить, чтобы они задали его хозяину легкий, самый легонький вопрос. Я прикрикнул на Кузю. Он замолчал, а продавцы насмешливо переглянулись.

— Дважды два? — улыбаясь спросил Плюс.

— Четыре, — ответил я сердито. Мне было почему-то

очень стыдно. Я выпил полстакана, а остальное отдал Кузе. Ах, как хороша была вода! Даже тетя Любаша никогда такую не продавала. Но воды было так мало, что я даже не разобрал, с каким она сиропом.

Гонщик снова показался на дороге. Он быстро крутил педали и пел:

Распевая, едет, едет,
Едет гонщик молодой.
На своем велосипеде
Он объехал шар земной.
Он летит быстрее ветра,
Не устанет никогда,
Сотни тысяч километров
Отмахает без труда.

Велосипедист проехал мимо и кивнул головой. Мне показалось, что он зря храбрится и уверяет в своей неутомимости. Я только хотел сказать об этом Кузе, как заметил, что кот сильно чем-то испуган. Шерсть у него стала дыбом, хвост распушился, спина изогнулась. Неужели здесь есть собаки?

— Спрячь, спрячь меня скорей! — взмолился Кузя. — Я боюсь... Я вижу...

Я осмотрелся, но ничего на дороге не заметил. Но Кузя дрожал и твердил, что видит ноги.

— Чьи ноги? — удивился я.

— В том-то и дело, что ничьи, — ответил кот. — Очень я боюсь, когда ноги ходят сами, без хозяина.

И правда, на дорогу вышли... Ноги. Это были большие мужские ноги в старых башмаках и грязных рабочих брюках с оттопыренными карманами. На поясе брюки стягивал ремень, а выше ничего не было.

Ноги подошли ко мне и остановились. Мне стало как-то не по себе.

— А где же все остальное? — решил спросить я. — То, что выше пояса?

Ноги молча потоптались и замерли.

— Простите, вы что, живые ноги? — снова спросил я.

Ноги качнулись вперед и назад. Наверно, они хотели сказать «да». Кузя урчал и фыркал. Ноги пугали его.

— Это опасные Ноги, — шипел он потихоньку. — Они убежали от своего хозяина. Порядочные Ноги так никогда не делают. Это нехорошие Ноги. Это беспризор...

Кот не успел договорить. Правая Нога дала ему здоровенного пинка. Кузя с визгом отлетел в сторону.

— Вот видишь, видишь! — вопил он, отряхиваясь от пыли. — Это злые Ноги, отойди от них подальше!

Кузя хотел обойти Ноги сзади, но они изловчились и лягнули его. От обиды и боли кот кричал до хрипоты. Чтобы он успокоился, я взял его на руки и стал чесать ему подбородок и лобик. Он очень это любит.

Из треугольного дома вышел мужчина в спецовке. На нем были точно такие же брюки и башмаки, как и у Нога. Мужчина подошел поближе к Ногам и сказал:

— Не ходи ты далеко от меня, товарищ, заблудишься.

Мне захотелось узнать, кто отхватил этому товарищу половину туловища.

— Не трамвай ли его перерезал? — спросил я.

— Он был таким же землекопом, как и я, — грустно ответил мужчина. — И не трамвай его переехал, а ученик четвертого класса Виктор Перестукин.

Уж это было слишком! Кузя зашептал мне: «А не лучше ли нам убраться отсюда подобра-поздорову?»

Я посмотрел на мяч. Он лежал спокойно.

— Взрослым стыдно говорить неправду, — упрекнул я землекопа. — Как мог Витя Перестукин переехать человека? Это же сказки.

Землекоп только вздохнул:

— Ничего ты, мальчик, не знаешь. Этот Виктор Перестукин решал задачу, и у него получилось, что траншеей выкопали полтора землекопа. Вот и осталась от моего товарища только половина...

Тут я вспомнил задачу про погонные метры. Землекоп тяжело вздохнул и спросил, доброе ли у меня сердце. Откуда мне было это знать? Никто про это со мной не говорил.

— Не знаю, — ответил я честно.

— Если бы у тебя было доброе сердце, — печально говорил землекоп, — ты пожалел бы моего бедного друга и постарался ему помочь. Надо только правильно решить задачу, и он снова станет тем, кем был раньше.

— Попробую, — сказал я, — попробую... А вдруг не сумею!

Землекоп порылся в кармане и вытащил смятый листок. На нем моим почерком было написано решение задачи. Я задумался. А вдруг опять ничего не выйдет? А если получится, что траншеей выкопал один с четвертью землекопа? Тогда от его товарища останется всего одна нога? Мне даже стало жарко от таких мыслей.

Потом я вспомнил совет Запятой. Это меня немножко успокоило. Буду думать только о задаче, буду решать медленно. Буду рассуждать, как учил меня Восклицательный.

Я посмотрел на Плюса и Минуса. Они насмешливо подмигивали друг другу своими одинаковыми круглыми глазами. Не дали небось, жадюги, напиться!.. Я показал им язык. Они не удивились и не обиделись. Наверно, не поняли.

— Ваше мнение о мальчике, братец Минус? — спросил Плюс.

— Отрицательное, — ответил Минус. — А ваше, братец Плюс?

— Положительное, — кисло сказал Плюс.

По-моему, он врал. Но после их разговора я твердо решил справиться с задачей. Я начал решать. Думал только о задаче. Рассуждал, рассуждал, рассуждал до тех пор, пока задача не решилась. Ну и здорово же я обрадовался! Оказалось, что для рытья траншеи потребовалось не полтора, а целых два землекопа.

— Получилось два землекопа! — объявил я решение задачи. И тут же Ноги сразу превратились в землекопа. Он был точно такой же, как и первый. Оба они поклонились мне и сказали:

В работе, жизни и труде
Желаем мы тебе удачи.
Учись всегда, учись везде
И правильно решай задачи.

Плюс и Минус сорвали с головы шапочки, подбросили их в воздух и весело выкрикивали:

— Пятью пять — двадцать пять! Шестью шесть — тридцать шесть!

— Спаситель ты мой! — кричал второй землекоп.

— Великий математик! — восторгался его товарищ. — Встретишь Виктора Перестукина — передай, что он лодырь, глупый и злой мальчишка!

— Уж кто-кто, а он обязательно передаст, — съехидничал Кузя.

Мне пришлось обещать, что передам. А то землекопы ни за что не убрались бы.

Конечно, нехорошо, что они меня под конец обругали, но все же мне было очень приятно, что я сам решил эту трудную задачу. Ведь ее не могла решить даже Люськина бабушка, хотя она очень способная к арифметике. Может быть, у меня уже начал вырабатываться характер? Вот это было бы здорово!

Снова проехал велосипедист. Он уже не пел и не пил. Видно было, что он едва держался в седле.

Кузя неожиданно выгнул спину и зашипел.

— Что с тобой? Опять ноги? — спросил его я.

— Не ноги, а лапы, — ответил кот, — а на лапах зверь. Спрячемся...

Мы с Кузей бросились к маленькому круглому домику с решетчатым окном. Дверь оказалась запертой, и нам пришлось забиться под крыльцо. Там, лежа под крыльцом, я вспомнил, что мне надо презирать опасность, а не прятаться. Я уже было выглянул, но увидел на дороге нашего старого знакомого белого медведя. Надо было бы вылезти, но... очень уж страшно. Белых медведей даже укротители и то боятся.

Наш белый медведь казался еще более злым, чем при первой встрече. Он вздыхал, рычал, ругал меня, умирал от жажды, искал север.

Мы притаились, пока он не прошел мимо домика. Кузя стал допытываться, чем бы это я мог досадить страшному зверю. Чудак Кузя. Если бы я сам это знал.

— Белый медведь — злой и беспощадный зверь, — пугал меня Кузя. — Интересно, ест ли он котов?

— Пожалуй, если и ест, то только морских котов, — сказал я Кузе, чтобы немножко его успокоить. Но точно я и сам не знал.

Вообще пора бы отсюда убираться. Делать здесь было нечего. Но мяч лежал, и нам приходилось ждать.

Из круглого домика, под крыльцом которого мы прятались, донесся жалобный стон. Я подошел поближе.

— Больше не ввязывайся ни в какие истории, — попросил меня Кузя.

Я постучал в дверь. Раздался еще более жалобный стон. Заглянул в окно, но ничего не увидел. Тогда я стал колотить кулаком в дверь и громко кричать:

— Эй, кто там?

— Это я, — слышалось в ответ. — Невинно осужденный.

— А кто ты такой?

— Я несчастный портной, меня обвинили в краже.

Кузя прыгал вокруг меня и требовал, чтобы я не связывался с вором. А мне было интересно узнать, что же украл портной. Я стал его расспрашивать, но портной не хотел сознаваться и уверял, что он самый честный человек на свете. Он говорил, что его оклеветали.

— Кто же вас оклеветал? — спросил я портного.

— Виктор Перестукин! — нахально ответил заключенный.

Да что это на самом деле? То половина землекопа, то вор портной...

— Это неправда, неправда! — закричал я в окошко.

— Нет, правда, правда, — канючил портной. — Вот послушай. Как заведующий швейной мастерской, я получил двадцать восемь метров ткани. Надо было узнать, сколько костюмов можно из нее сшить. И вот на мое горе этот самый Перестукин решает, что должен сшить из двадцати восьми метров двадцать семь костюмов да еще получить один метр в остатке. Ну, как можно сшить двадцать семь костюмов, когда только на один костюм идет три метра?

Я вспомнил, что именно за эту задачу мне вlepили одну из пяти двоек.

— Ерунда какая-то, — сказал я.

— Бред собачий, — добавил Кузя.

— Да, для вас ерунда, — захныкал портной, — а с меня на основании этого решения потребовали двадцать семь

костюмов. Откуда бы я их взял? Тогда меня обвинили в краже и посадили в тюрьму.

— А нет ли у вас с собой этой задачи? — спросил я.

— Конечно, есть, — обрадовался портной. — Мне ее вручили вместе с копией приговора.

Через решетку он протянул мне бумагу. Я ее развернул и увидел написанное моей рукой решение задачи. Совсем неправильное решение. Я сначала делил единицы, а потом десятки. Потому так глупо и получилось. Тут даже и думать много не пришлось, чтобы все исправить. Я сказал портному, что он должен был сшить всего девять костюмов.

В этот момент дверь сама распахнулась и из нее выбежал человек. На поясе у него болтались большие ножницы, а на шее висел сантиметр. Человек обнял меня, подпрыгнул на одной ножке и закричал:

— Слава великому маленькому неизвестному математику! Позор Виктору Перестукину!

Потом он еще раз подпрыгнул и убежал. Его нож-

ницы звякали, а сантиметр развевался по ветру.

На дорогу выехал еле живой велосипедист. Он задышался, а потом свалился с велосипеда. Я бросился поднимать его, но ничего не мог сделать. Он хрипел и закатывал глаза.

— Умираю, умираю на посту, — шептал велосипедист. — Я не могу выполнить это страшное решение. Ах, мальчик, передай школьникам, что гибель веселого гонщика на совести Виктора Перестукина. Пусть отомстят за меня...

— Неправда! — возмутился я. — Никогда я вас не губил. Я вас даже не знаю!

— А... Так ты и есть Перестукин, — сказал гонщик и приподнялся. — Ну-ка, лодырь, реши задачу правильно, а не то тебе придется худо.

Он сунул мне в руки листок с задачей. Пока я читал условие задачи, гонщик ворчал:

— Решай, решай! Ты у меня узнаешь, как вычитать метры из людей. Ты у меня погоняешь велосипедистов по сто километров в час.

Конечно, сначала я старался решить задачу. Рассуждал, как только мог, но пока ничего не получалось. По советам говоря, мне очень не понравилось, что гонщик так грубо со мной обращался. Когда меня просят помочь — это одно дело, а вот когда заставляют — другое. И вообще, попробуйте-ка сами думать, когда рядом с вами топают от злости ногами и ругают вас на все корки. Гонщик своей злобной болтовней мешал мне думать. Мне даже расхотелось рассуждать. Конечно, надо было взять себя в руки, но я, видно, еще не достаточно выработал волю для этого. Кончилось тем, что я бросил листок и сказал:

— Задача не выходит.

— Ах, не выходит? — зарычал гонщик. — Тогда сядешь туда, откуда ты выпустил портного! Посидишь там, подумаешь, пока не решишь.

В тюрьму мне не хотелось. Я бросился бежать. Гонщик помчался за мной. Кузя вскочил на крышу тюрьмы и оттуда всячески поносил гонщика. Он его сравнивал со всеми свирепыми псами, каких только встречал в жизни. Конечно, гонщик догнал бы меня, если бы не кот. Прямо с крыши Кузя бросился ему под ноги. Гонщик упал. Я не стал ждать, когда он поднимется, вскочил на его велосипед и покатил по дороге.

Гонщик и Кузя скрылись из виду. Я еще проехал немножко и слез с велосипеда. Надо было подождать Кузю и найти мяч. В суматохе я даже забыл посмотреть, где он. Я бросил велосипед в кусты, а сам свернул в лес, сел под дерево отдохнуть. Когда стемнеет, решил я, пойду искать своего кота. Было тепло и тихо, и я, прислонившись к дереву, незаметно уснул. Когда открыл глаза, то увидел, что рядом со мной стоит старушка, опираясь на палочку. Она бы-

ла в синей короткой юбке и белой кофточке. На ее седых косичках торчали пышные банты из белых нейлоновых лент. Такие ленты носили все наши девочки. Но больше всего меня удивило, что на ее сморщенной шее болтался красный пионерский галстук.

— Бабушка, а почему на вас пионерский галстук? — спросил я.

— Потому что я пионерка, — старушечьим голосом ответила она. — А ты, мальчик, из какого класса?

— Из четвертого.

— И я из четвертого... Ох, как болят мои ноги! Я про-

шла много тысяч километров. Сегодня наконец должна встретиться со своим братом. Он идет мне навстречу.

— А почему вы идете так долго?

— О, это длинная и печальная история! — вздохнула старушка и села рядом со мной. — Один мальчик решал задачу. Из двух сел, расстояние между которыми двенадцать километров, вышли навстречу друг другу брат и сестра...

У меня просто заныло под ложечкой. Я сразу понял, что добра от ее рассказа нечего ждать. А старушка продолжала:

— Мальчик решил, что они встретятся через шестьдесят лет. Мы подчинились этому глупому, злому, неправильному решению. И вот все идем, идем... Измучились, постарели.

Наверно, она бы еще долго жаловалась и рассказывала о своем путешествии, но вдруг из-за кустов вышел старичок. Он был в трусиках, белой блузе и красном галстуке.

— Здравствуй, сестра! — прошамкал старичок-пионер.

Старушка расцеловала старичка. Они смотрели друг на друга и горько плакали. Мне стало очень их жаль. Я взял у старушки задачу и хотел ее перерешить. Но она только вздохнула и покачала головой. Она сказала, что эту задачу должен решить только Виктор Перестукин. Пришлось сознаться, что Перестукин — это я. Лучше бы я этого не делал!..

— Теперь ты пойдешь с нами, — строго сказал старичок.

— Не могу, мне мама не позволяет, — отбивался я.

— А нам мама позволяла уходить из дому без спроса на шестьдесят лет?

Чтобы старички-пионеры мне не мешали, я залез на дерево и стал там решать. Задача была пустяковая, не то что про гонщика. Я справился с нею быстро.

— Вы должны были встретиться через два часа! — закричал я сверху.

Старички тотчас же превратились в пионеров. Они очень обрадовались. Я слез с дерева и веселился вместе с ними. Мы взяли за руки, танцевали и пели:

Мы теперь уж не седые,
Мы ребята молодые.
Мы теперь не старики,
Мы опять ученики.
Мы закончили задачу.
Больше незачем шагать!
Мы свободны. Это значит —
Можно петь и танцевать!

Брат и сестра помахали мне на прощание и убежали.

Я опять остался один и начал думать о Кузе. Где мой бедный кот? Без него было скучно. Я вспоминал его смешные советы, кошачьи истории, и мне становилось все грустнее... Совсем один в этой непонятной стране! Надо было скорее отыскать Кузю.

К тому же я потерял мяч. Это меня мучило. А если я никогда не смогу вернуться домой? Что ожидает меня? Ведь каждую минуту здесь может случиться что-нибудь страшное. А не вызвать ли мне Географию?

Я решил идти вперед и считать до тысячи. Если за это время ничего не произойдет, я буду считать до двух тысяч, ну а если что-то случится, тогда позову на помощь.

Шел и нарочно считал очень медленно. Лес становился все гуще. Я крикнул:

— Кузя!

Откуда-то донеслось глухое мяуканье. Я очень обрадовался и стал громко звать кота.

— Я здесь, — слышался наконец далекий неясный голос Кузи.

— Где ты? Я тебя не вижу.

— Сам ничего не вижу, — жаловался глухо Кузя. — Посмотри навверх.

Я поднял голову и стал внимательно осматривать ветки. Они качались и шумели. Кузи нигде не было видно. Вдруг я заметил среди листвы серый мешок. В нем что-то шевелилось. Я тут же влез на дерево, добрался до мешка и развязал его. Охая и фыркая, оттуда вывалился растрепанный Кузя. Мы очень обрадовались, что нашли друг друга.

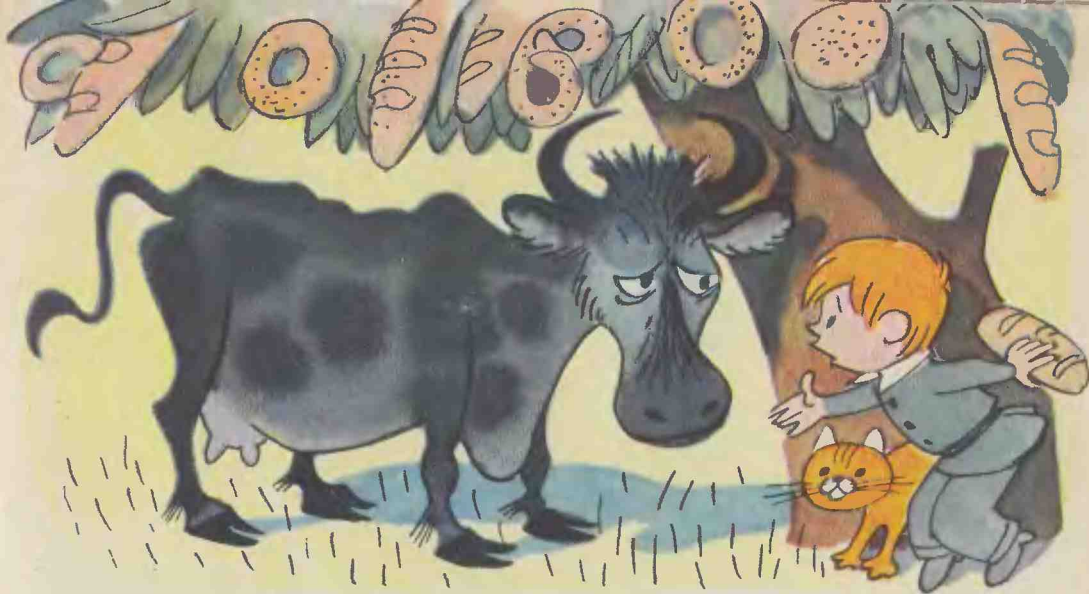
Кузя рассказал о том, как гонщик поймал его, сунул в мешок и повесил на дерево. Гонщик очень зол на меня. Он всюду разыскивает свой велосипед. Если гонщик поймает нас, то непременно посадит в тюрьму за угон велосипеда и нерешенную задачу.

Мы стали выбираться из леса. Вышли на небольшую полянку, где росло красивое высокое дерево. На нем висели булки, сайки, бублики и крендельки.

Хлебное дерево! Когда я говорил на уроке, что на хлебном дереве растут булочки и бублики, все смеялись надо мной. А что теперь сказали бы ребята, увидев это дерево?

Кузя нашел другое дерево, на котором росли вилки, ножи, ложки. Железное дерево! И о нем я рассказывал. Тогда тоже все смеялись.

Кузе хлебное дерево понравилось больше, чем железное. Он понюхал румяную булочку. Ему очень хотелось съесть ее, но он не решался.

— Съешь, да и превратишься еще в собаку, — ворчал Кузя. — В этой странной стране надо всего остерегаться.

А я сорвал булку и съел. Она была теплая, вкусная, с изюмом. Когда мы оба подкрепились, Кузя начал искать колбасное дерево. Но здесь такие деревья не росли. Пока мы ели булочки и болтали, из лесу вышла большая рогатая корова и уставилась на нас. Наконец-то мы увидели доброе домашнее животное. Не свирепого медведя, даже не верблюда, а милую деревенскую Буренку.

— Здравствуй, дорогая коровушка!

— Здравствуй, — равнодушно ответила корова и подошла ближе. Она внимательно разглядывала нас. Кузя спросил, чем это мы так ей понравились.

Корова подошла еще ближе и нагнула рога. Мы с Кузей переглянулись.

— Что ты собираешься делать, корова? — спросил кот.

— Ничего особенного. Я просто съем тебя.

— Да ты с ума сошла! — удивился Кузя. — Коровы не едят котов. Они едят траву. Это же все знают!

— Не все, — возразила корова. — Виктор Перестукин,

например, не знает. Он сказал на уроке, что корова — животное плотоядное. Потому я и стала есть других животных. Почти всех здесь уже съела. Сегодня съем кота, а завтра мальчика. Можно, конечно, съесть обоих сразу, но при таком положении дел приходится быть экономной.

Никогда я не встречал такой противной коровы. Я доказывал ей, что она должна питаться сеном и травой.

А есть человека она не смеет. Корова лениво махала хвостом и твердила свое:

— Все равно я вас обоих съем. Начну с кота.

Мы так горячо спорили с коровой, что не заметили, как возле нас появился белый медведь. Бежать было уже поздно.

— Кто такие? — рявкнул медведь.

— Мы с хозяином путешествуем, — пискнул Кузя.

Я добавил, что путешествуем не просто так, бесцельно, а для образования. Медведь слушал, обмахивался веткой и ворчал. Ему было жарко в своей белой шубе.

Корова вмешалась в наш разговор. Она заявила, что мы с Кузей — ее добыча, и она не уступит нас медведю. В лучшем случае медведь может закусить мальчиком, а о коте не может быть и речи. Она твердо решила съесть его сама. Видно, она думала, что кот вкуснее мальчика. Нечего сказать, милое домашнее животное!.. Не успел медведь ответить корове, как сверху послышался шум. На нас посыпались листья и сломанные ветки. На толстом суку усаживалась огромная и странная птица. У нее были длинные задние лапы, короткие передние, толстый хвост и хорошенькая мордочка. Два неуклюжих крыла торчали у нее за спиной. Птицы стаей носились вокруг нее и тревожно кричали. Наверно, они тоже впервые увидели такую птичку.

— Что это еще за уродина? — невежливо спросил медведь. А корова поинтересовалась, можно ли ее есть. Кроважидная тварь! Мне хотелось запустить в нее камнем.

— Это птица? — спросил Кузя.

— Таких больших птиц не бывает, — ответил я.

— Эй, на дереве! — заревел медведь. — Ты кто такая?

— Я птица-кенгуру, — нежным голоском пропело чудовище.

— Врешь, — разозлился медведь. — Кенгуру не летают. Ты зверь, а не птица.

Корова тоже подтвердила, что кенгуру не птица. И тут же добавила:

— Взгромоздилась такая туша на дерево и строит из себя соловья. Слезай вниз. Я тебя съем.

Кенгуру рассказала, что раньше она в самом деле была зверем, пока один добрый волшебник на уроке не объявил ее птицей. После этого у нее выросли сильные крылья, и она стала летать. Летать весело и приятно!

Завистливую корову слова кенгуру разозлили.

— Чего мы ее слушаем? — спросила она медведя. —
Давай ее лучше скушаем.

Тут я схватил здоровенную еловую шишку и угодил корове прямо в нос.

— До чего же ты кровожадная! — упрекал я корову.

— Ничего не поделаешь. Это все потому, что я плотоядная.

Мне понравилась веселая кенгуру. Только она одна не ругала меня и ничего не требовала.

— Слушай, кенгуриха! — проревел медведь. — Неужели ты в самом деле стала птицей?

Кенгуру клялась, что рассказала правду. Теперь она даже учится петь. И тут же затянула смешным голоском:

Такое счастье снится
Нам может лишь во сне:
Внезапно стала птицей.
Летать приятно мне!
Была я кенгуру,
А птицею умру!

— Безобразие! — возмутился медведь. — Все перевернулось. Коровы едят котов. Звери летают как птицы. Белые медведи теряют родной север. Где это видано?

Корова недовольно замычала. Такой порядок и ей был не по душе. Только кенгуру была всем довольна. Она сказала, что даже благодарна за такое превращение доброму волшебнику Виктору Перестукину.

— Перестукину? — грозно спросил медведь. — Я ненавижу этого мальчишку. Вообще не люблю мальчишек!

И медведь бросился на меня. Я быстро взобрался на железное дерево. Кузя метнулся за мной. Кенгуру кричала, что стыдно и неблагородно преследовать беззащитного детеныша-человеньша. Но медведь лапами, а корова рогами стали трясти дерево. Кенгуру не могла видеть такую несправедливость, взмахнула крыльями и улетела.

— Не пытайся улизнуть, кот, — мычала снизу корова. — Я научилась ловить даже мышей, а их труднее поймать, чем кота.

Железное дерево раскачивалось все сильнее. Мы с Кузей бросали в корову и медведя ножи, вилки, ложки.

— Слезайте! — вопили звери.

Было ясно, что долго нам не продержаться. Кузя умолял меня срочно вызвать Географию. По правде сказать, я и сам уже хотел это сделать. Видели бы вы оскаленную жадную морду коровы!.. Она совсем не походила на ту красивую коровку, которая нарисована на сливочном шоколаде. А медведь был еще страшнее.

— Вызывай скорей Географию! — вопил Кузя. — Я боюсь их, боюсь!

Кузя судорожно цеплялся за ветки. Неужели и я такой трус, как кот?

— Нет, мы еще продержимся! — крикнул я Кузе, но ошибся.

Железное дерево закачалось, заскрежетало, и с него градом посыпались железные плоды, а вместе с ними свалились и мы с Кузей.

— У-у! — зарычал медведь. — Теперь-то я с вами разделаюсь...

Корова потребовала соблюдать правила охоты. Она уступает медведю мальчишку, а кот принадлежит ей.

Последний раз я решил уговорить корову:

— Послушай, Буренушка, ты все-таки должна питаться травой, а не котами.

— Ничего не могу сделать. Я плотоядная.

— Да совсем ты не плотоядная, — доказывал я в отчаянии. — Ты... ты... парнокопытная.

— Ну и что ж? Я могу быть парнокопытной и плотоядной.

— Да нет же... ты сеноядное... фруктоядное...

— Хватит молоть чепуху, — прервал меня медведь. — Лучше вспомни, где север.

— Одну минуточку, — попросил я медведя. — Ты, корова, травоядное животное!

Как только я это сказал, корова жалобно замычала и тут же стала жадно щипать траву.

— Наконец-то сочная травка! — радовалась она. — Мне так надоели суслики и мыши. От них у меня портился желудок. Я все же корова, люблю сено и траву.

Медведь очень удивился. Он спросил корову: а как же теперь будет с котом? Станет корова его есть или нет?

Корова обиделась. Она еще не сумасшедшая, чтобы есть кошек. Коровы никогда этого не делают. Они едят траву. Это знают даже дети.

Пока корова и медведь спорили, я решил применить одну военную хитрость. Обману медведя: скажу ему, что я знаю, где находится север, а после вместе с Кузей улизну по дороге.

Медведь махнул лапой на корову и снова стал требовать, чтобы я показал ему север. Я для вида немного помался, а потом обещал показать...

И вдруг я увидел наш мяч! Он сам прикатился к нам, сам нашел нас. Это было очень кстати!

Мы втроем — я, Кузя и медведь — пошли за мячом. Противная корова даже не попрощалась с нами. Она так соскучилась по траве, что не могла от нее оторваться.

Идти нам было уже не так весело и приятно, как раньше. Рядом со мной пыхтел и ворчал медведь, и надо было еще придумать способ, как от него избавиться. Это оказалось делом нелегким, потому что он мне нисколько не верил и не спускал с меня глаз.

Эх, знать бы мне, где находится север! И компас мне папа подарил, и на уроках сто раз объясняли, так нет же, не слушал, не выучил, не понял.

Мы все шли да шли, а я пока ничего не мог придумать. Кузя потихоньку ворчал, что моя военная хитрость не удалась и надо сбежать от медведя без всякой хитрости.

Наконец медведь объявил, что если я не покажу ему се-

вера, то когда мы дойдем вот до того дерева, он разорвет меня на части. Я ему наврал, что от того дерева до севера совсем близко. А что же мне еще оставалось делать?

Мы все приближались и приближались к дереву. Медведь уже скалил клыки. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы вдруг Кузя не бросился бежать вправо.

— Север! Север! — кричал кот, улепетывая со всех лап.

Мы с медведем остановились и ничего не могли понять, и только когда Кузя почти скрылся, медведь взревел и бросился за ним.

Мне стало ясно, что Кузя просто решил меня спасти. Он отвлек медведя на себя. Кто бы мог подумать, что у кота такое благородное сердце!

Я побрел за мячом. Без Кузи было очень грустно. Мо-

жет, медведь догнал и растерзал его в клочья? Лучше бы Кузя и не ходил со мной в эту страну.

Чтобы мне не было уж так одиноко и тоскливо, я пел:

Идешь по стране ты безлюдной
И сам себе песню поешь.
Дорога не кажется трудной,
Когда вместе с другом идешь.
И то, что он друг, ты не знаешь,
И с ним ты не хочешь дружить.
Но только его потеряешь,
Как грустно становится жить

Я очень тосковал по Кузе. Что бы там кот ни говорил, глупое или смешное, он всегда желал мне добра и был верным другом.

Мяч остановился. Я огляделся. Справа от меня громоздилась гора, покрытая льдом и снегом. На вершине ее, под заснеженной елью сидели, дрожа от холода и прижавшись друг к другу, негритенок и обезьяна. На них падал крупными хлопьями снег.

Посмотрел налево. И там была гора, но снег здесь не падал. Наоборот, жаркое солнце сияло над горой. На ней росли пальмы, высокая трава, яркие цветы. Под пальмой сидели чукча и мой знакомый белый медведь. Неужели я никогда от него не избавлюсь? Я подошел к подножию Холодной горы и сразу замерз. Потом подбежал к подножию Жаркой горы, и мне стало так душно, что захотелось стащить с себя рубашку. Тогда я выбежал на середину дороги. Тут было хорошо. Ни холодно ни жарко. Нормально.

С гор слышались стоны и крики.

— Я весь трясусь, — жаловался негритенок. — Холодные белые мухи больно жалят меня! Дайте мне солнце! Прогоните белых мух!

— Я скоро растаю, как тюлений жир, — плакал ма-

тенький чукча. — Дайте хоть немного снега, хоть кусочек льда!

Белый медведь ревел так, что заглушал всех:

— Дайте же мне наконец север! Я сварюсь в собственной шкуре!

Негритенок меня заметил и сказал:

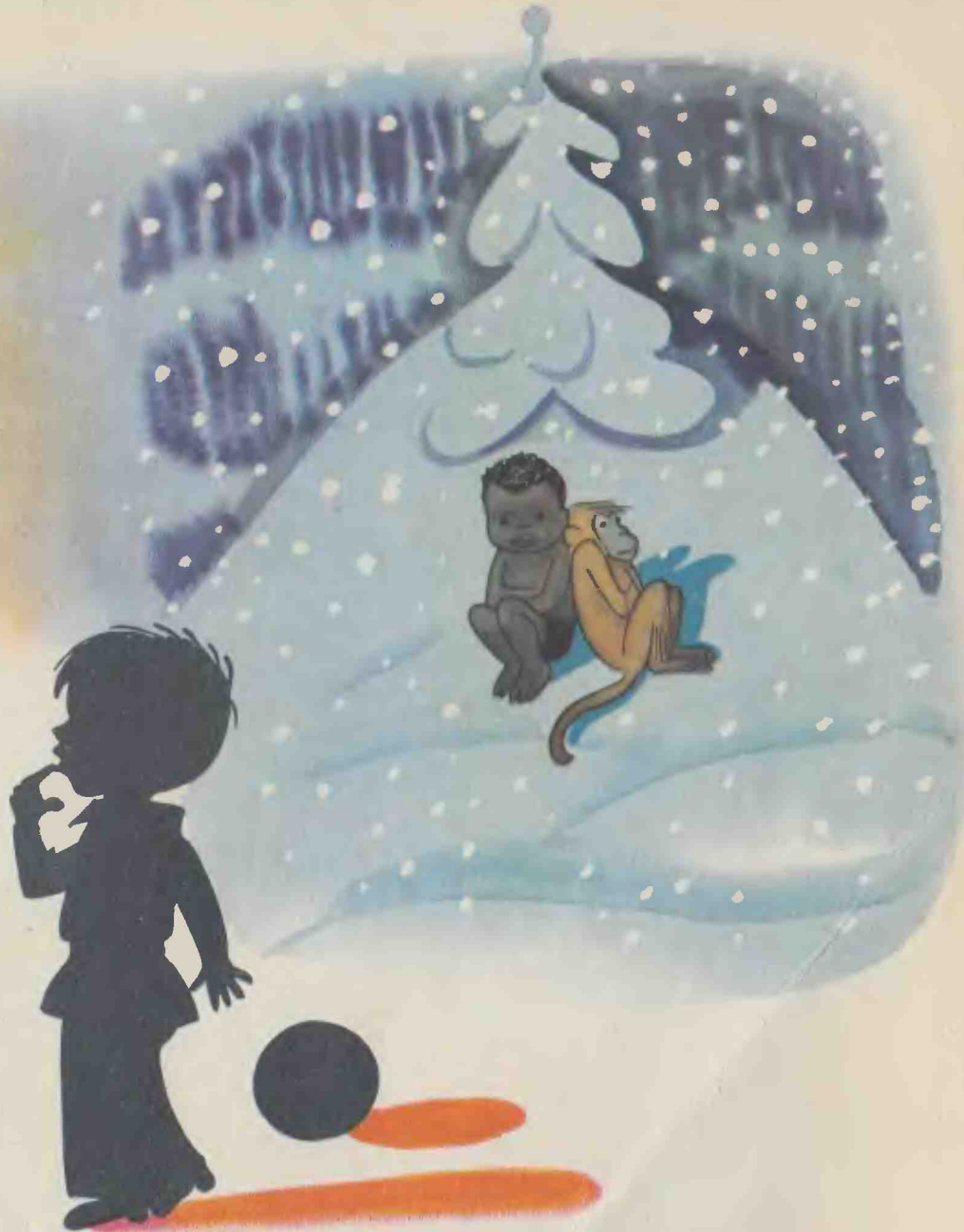
— Белый мальчик, у тебя доброе лицо. Спаси нас!

— Пожалей! — взмолился маленький чукча.

— Кто вас туда загнал? — крикнул я им снизу.

— Виктор Перестукин, — хором ответили мальчишки, медведь и обезьянка. — Он перепутал географические пояса. Спаси нас! Спаси!

— Не могу. Мне надо сперва отыскать своего кота. Потом, если у меня останется время...

— Спаси нас, — пискнула обезьянка. — Спаси, и мы отдадим тебе твоего кота.

— А разве Кузя у вас?

— Не веришь? Смотри! — рявкнул медведь.

И тотчас же на Жаркой горе появился мой кот.

— Кузя! Ксс, ксс, ксс, — звал я кота. Я прыгал от радости.

— Я умираю от жары, спаси! — прохрипел Кузя и исчез.

— Держись! Иду к тебе!

Я стал взбираться на гору. На меня пахнуло жаром, как из огромной духовки.

— Хозяин! — услышал я голос Кузи совсем с другой стороны.

Я оглянулся и увидел кота уже на Холодной горе, рядом с обезьянкой. Кузя дрожал от холода.

— Я замерзаю. Спаси!

— Держись, Кузя! Я бегу к тебе!

Быстро сбежав с Жаркой горы, я стал карабкаться по льду на другую гору. Меня охватило холодом.

— Хозяин! — снова раздался Кузин голос.

Кот уже стоял на Жаркой горе рядом с медведем.

Я скатился по льду на середину дороги. Мне стало ясно, что они не отдадут мне Кузю.

— Отдайте мне моего кота!

— А ты скажи: в каких поясах мы должны жить?

— Не знаю. Когда учительница рассказывала о географических поясах, я читал книжку про шпионов.

Звери, услыша мой ответ, заревели, а мальчики заплакали. Медведь грозил меня растерзать, а обезьянка обещала выцарапать глаза. Кузю хрипел и задыхался. Мне было страшно жаль их всех, но что я мог сделать? Я обещал им выучить все моря и океаны, материки, острова и полуострова. Но они требовали одного: я должен был вспомнить географические пояса.

— Не могу! Не могу! — закричал я отчаянно и заткнул пальцами уши. Сразу стало тихо. Когда я вытацил пальцы, то услышал голос Кузи:

— Зови Географию. Я умираю...

Не мог я дать Кузе умереть. И я крикнул:

— Дорогая География, помогите!

— Здравствуй, Витя! — сказал кто-то возле меня. Я оглянулся. Передо мной стоял мой учебник географии.

— Ты не можешь вспомнить географические пояса? Какая чепуха! Ты же это знаешь. Ну, в каком поясе живет обезьяна?

— В тропическом, — ответил я так уверенно, как будто и раньше знал об этом.

— А белый медведь?

— За полярным кругом.

— Отлично, Витя. Взгляни направо, потом налево.

Я так и сделал. Теперь на Жаркой горе сидел веселый негритенок, ел банан и улыбался. Обезьянка взобралась на пальму и корчила смешные рожицы. Потом я взглянул на Холодную гору. Там развалился на льду белый медведь, он сосал огромную сосульку. Наконец-то его перестала мучить жара. Маленький чукча махал мне меховой рукавичкой.

— Где же мой Кузя?

— Я здесь.

Кот смиренно сидел у моих ног, обернув хвостом свои лапы. География спросила меня, что же я желаю: продолжать путешествие или вернуться домой?

— Домой! Домой! — замурлыкал Кузя и прищурил свои зеленые глаза.

— Ну а ты, Витя?

Я тоже хотел домой. Но как туда попасть? Ведь мяч мой куда-то исчез.

— Теперь, когда я с вами, — спокойно сказал учебник географии, — никакой мяч не нужен. Я знаю все дороги в мире.

География взмахнула ручкой, и мы с Кузей поднялись

в воздух. Поднялись и тут же опустились у порога нашего дома. Я вбежал в свою комнату. Как я соскучился по дому! Здравствуйте, столы и стулья! Привет вам, стены и потолок! А вот и мой милый стол с разбросанными учебниками и гвоздями.

— Как хорошо, Кузя, что мы уже дома!

Кузя зевнул, отвернулся и прыгнул на подоконник.

— Почему ты не отвечаешь?

Я слегка потянул Кузю за хвост. Кот обиженно мяукнул. Все! Я понял, что больше не услышу от него ни слова.

Учебник географии, наверно, стоял за дверью. Я выбежал, чтобы пригласить его в дом.

— Входите, дорогая География!

Но за дверью никого не было. На пороге валялась книга. Это был мой учебник географии.

Из кухни слышался мамин голос.

Как я мог забыть о ней! Как посмел, не спросясь, улететь в Страну невыученных уроков? Бедная мамочка! Наверно, она страшно беспокоилась.

Мама вошла в комнату. Моя дорогая, самая лучшая, самая красивая мама на свете. Но она ничуть не казалась взволнованной.

— Ты беспокоилась обо мне, мамочка?

Она удивленно и внимательно на меня посмотрела. Это, наверно, потому, что я очень редко называю ее мамочкой.

— Я всегда беспокоюсь о тебе, — ответила мама. — Скоро экзамены, а ты так плохо готовишься. Горе ты мое!..

— Мамочка, мамочка моя дорогая! Я больше не буду горе твое.

Она нагнулась и поцеловала меня. Мама тоже редко это делала. Наверно, потому что я... Да ладно уж!.. И так понятно.

Редактор
М. ДОЛОТЦЕВА

Художественный редактор
М. ТАИРОВА

Технические редакторы
В. АВДЕЕВА, Е. ЕЛЬСКАЯ

Для детей младшего
школьного возраста

*Лия Борисовна
Гераскина*

**В СТРАНЕ
НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ**

Сдано в произв. 5/VIII-65 г. Подписано к печати 8/XII-65 г. Формат бумаги 70×90¹/₁₆.
Физ. п. л. 7,0. Усл. п. л. 8,19. Уч.-изд. л. 8,2
Издат. инд. ДЛ 356. Тираж 200 000 экз. Цена 68 коп.
Тем. пл. 1965 г. № 286.
Издательство «Советская Россия», Москва, проезд
Сапунова, 13/15.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы
Росглавполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР
Калинин, Мигаловское шоссе, 8. Заказ 54.

68 год.

68 год.

68 год.

К

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB